

Подспорье

Приложение к газете «Соратник» Союза борьбы за народную трезвость

Издается с мая 2001 г.

№ 5(210)

июль-август 2022 г.

Читайте в номере:

Е.Г. Батраков, «Оболганное тело», – стр.1;

Ирина Такала, «За трезвый быт!»: Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы, – стр.11;

ОБОЛГАННОЕ ТЕЛО

У йогов сложилось весьма знаменательное убеждение, согласно которому человека питает не то, что он ест, а то, что усваивается им.

Л.П. Гримак

Когда торговцы алкоголем называют водку, пиво, вино – «алкогольными напитками», я понимаю: передо мной – враг, пытающийся волка протащить в общественное сознание под овечьей шкурой. Когда фразу «алкогольные напитки» произносит простой обыватель, я понимаю: передо мной неискушенный в наркотических вопросах профан. Но когда в **трезвеннической** газете «Оптималист» эту же фразу использует некий В. Рапопорт из Красногорска [1], я – в полном недоумении развожу руками...

Примерно то же самое, к сожалению, приходится делать, читая в прекрасной брошюре В. Гринева «Самоизбавление от курения табака» утверждение, будто бы «со временем никотин (наркотик) – составная часть табачного дыма, входит в обменные процессы организма» [2]. По всей видимости, В. Гринева, говоря об **обменных** процессах, имеет в виду именно то, что «обмен веществ – совокупность процессов, происходящих в организме при усвоении пищи» [3]. Если это так, то признание факта вхождения ядов в обменные процессы, тем самым ставит В. Гринева перед необходимостью признать яды веществами **пищевыми**, а затем и вовсе – примкнуть к кучке некрофилов, которые проповедуют дурманизацию, как естественный и нормальный образ жизни.

Впрочем, мне думается, что вышеотмеченный ляп, проник в книгу весьма осведомленного В. Гринева просто из-за машинально и некритически воспринятого автором общеизвестного фразеологического штампа, бытующего в общественном сознании. Вместе с тем, я полагаю, что данный штамп является не столь безобидным, как это может показаться на первый взгляд, а поэтому есть и необходимость рассмотреть его на страницах нашего трезвеннического издания.

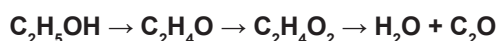
Итак, я утверждаю, что в человеческом организме алкоголь и яды сигаретного дыма вступать в **обменные** процессы не способны никогда и в принципе. И дабы этот тезис не выглядел просто голым, безответственным заявлением, приведу ряд аргументов.

Во-первых, если допустить, что спирт – вещество **питательное**, – а только питательное вещество спо-

собно входить в **обменные** процессы, то как быть с диагнозом, который врачи-патологоанатомы ставят, случается, погибшему в запое: умер **от истощения**?

Во-вторых, в настоящее время достаточно хорошо известно, что живая ткань и яды не способны сосуществовать в принципе, как «лед и пламень», потому что «...в организме токсические и наркотические вещества, связанные в комплекс химических соединений, начинают «диверсионным путем» разрушать участки биохимической системы, выводя их из строя, что становится причиной гибели клеток. На месте погибших клеток образуются рубцы или шрамы в различных органах организма человека, курящего табак, пьющего вино, принимающего токсические и наркотические вещества. Яд сжигает вены, и они становятся непроходимыми. При попадании его под кожу мобилируются все защитные механизмы для того, чтобы не дать ему распространиться по всему организму. Скопление наркотика под кожей сжигает или расплавляет клетки и ткани, с которыми яд соприкасается: на этом месте образуются плохо заживающие язвы. Подобные же язвы образуются во всех внутренних органах при систематическом курении табака, пьянстве, употреблении токсических и наркотических веществ. В период заживления и развивается стресс, связанный с восстановлением здоровья. Следовательно, **химические элементы, находящиеся в табачном дыме, конопле, маке, спирте, во всех прочих веществах, нельзя включить в обмен веществ и сделать их «родными» элементами биохимической системы организма**» [4].

Саму молекулу этанола – C_2H_5OH – в «неразобранном» виде организм по понятным причинам использовать не способен, как, впрочем, и в расщепленном тоже. Его метаболизм хорошо известен: этанол → ацетальдегид → ацетат → вода + углекислый газ. Или, если изобразить иначе:

И что тут, кроме воды, можно отнести к полезному?

Ну, как же, – поспешно устыдит нас человек не безграмотный, – а килокалории?!

Ах, да, действительно, килокалории, коих в 1 грамме этанола аж целых 7. Но! оказывается, «...эти калории называют “пустыми”, так как они не запасаются организмом, а рассеиваются в виде тепла и не используются для построения составных элементов клеток или осуществления различных физиологических функций» [5].

Вот вам и сухой остаток от яйца, выеденного!

Об этом же мы узнаем и штудировав книгу академика АМН СССР Ф.Г. Углова «Из плена иллюзий»: «...некоторые специалисты считают алкоголь питательным веществом. Безусловно, при его употреблении выделяется значительное количество энергии, равной 7 килокалориям на грамм чистого спирта. Однако эта энергия расходуется нецелесообразно. Алкоголь идет не на создание, как белки, жиры и углеводы, а на сгорание. Он хаотически сгорает в организме и в своем пламени сжигает другие питательные вещества. При этом он сгорает вне потребности организма, не являясь “строительным материалом”» [6].

Нужно отметить, что некоторых спиртопийцев сбивает с толку это словцо – «калория». Они полагают, коль есть калории, то именно поэтому и можно пить. А ведь калория – это всего лишь количество выделившейся теплоты при сгорании какого-либо вещества. И все. Исходя из этого хрестоматийного определения, этанол, как и бензин, уголь, древесина – обладают определенной калорийностью, но это вовсе не означает, что они могут быть использованы в качестве питательных веществ. Более того, организм, при поступлении нейротоксина, именуемого этанолом, стремится как можно быстрее это вещество нейтрализовать, и, одновременно, вывести его с мочой, потом, выдыхаемым воздухом.

Вот еще одно весьма авторитетное мнение выдающегося гигиениста, одного из создателей гигиены в России Ф.Ф. Эрисмана: «Мы ответили на поставленные вопросы: мы показали, что **алкоголь, как пищевое вещество, не имеет никакого практического значения и что он, даже в сильно разведенном виде, составляет для человека опасный яд**» [7].

О невождении ядов в обменные процессы, в частности, никотина, и о том, что у организма даже при многолетней, хронической интоксикации не возникает потребность в интоксикантах, говорят и нижеследующие примеры.

Есть люди, которые профессионально заняты тем, что чистят топливные резервуары, грунтуют и красят в доках корпуса морских судов, работают автомалярами, газосварщиками, работают с мышьяком без достаточной техники безопасности на медных, свинцовых и цинковых плавильных заводах... А чем дышит население городов? Их организм хронически отравлен! Однако же они не становятся токсикоманами, не страдают от патологического влечения к бытовым и промышленным ядам. Почему? Потому что ими не была принята на веру ложная информация будто бы вдыхание этих веществ надлежит почитать за надобность и за удовольствие.

В 1989 году я проводил курс в Черногорске. На одном из занятий поднялся мужчина и задал вопрос:

«Евгений Георгиевич, объясните, пожалуйста. Я уже месяца полтора как собираюсь бросить курить. Для этого набрал в библиотеке целую стопку книг. Читаю – морально подготавливаюсь.

Так вот, авторы, товарищи наркологи прямо называют никотин наркотиком, к которому организм, якобы,

привыкает, и жить без которого, якобы, уже никак не может. Я с авторами вполне согласился, если б всю свою жизнь проработал не на угольной шахте, а где-то в другом месте. Дело в том, что, находясь на поверхности земли, то есть на улице или дома, я курю строго регулярно. Я даже ночью встаю, чтоб покурить. Вот такой я злостный курильщик. Но вот, иду на работу, спускаюсь в шахту. Нахожусь под землей весь рабочий день, а это 6 часов – 6 часов хожу под землей, работаю, отдыхаю на перерыве, с кем-то, бывает, ругаюсь и прочее, но – курить-то желания нет!? Все 6 часов! Даже мысли нет о курении! Вот и спрашивается, так какой же это никотин – наркотик, если он в шахте не действует: я без него запросто столько часов могу обходиться?»

Да, действительно, вот и спрашивается, что ж это никотин, героин, алкоголь и т. п. вещества за участники обменных процессов – в коих, уже в силу их участия, должна была бы сформироваться и соответствующая **потребность**, – если человек без них запросто может обходиться много часов?

О том же самом, в сущности, рассказал уже в другой группе офицер-ракетчик из Казахстана, чьи дежурства на боевом посту также проходили под землей, где курение строго-настрого запрещала инструкция. Так вот и спрашивается, что ж это никотин за наркотик такой, и что это за обменные процессы, чье действие запросто отменяет армейский документ?

Еще пример. Минусинск, женщина 45 лет:

«Я курю с 16 лет. Живу одна и курю, в основном, дома. Но вот, иду на работу, где нахожусь 8 часов. Затем, по магазинам. И все это время я ведь не курю. И желания нет! Я всю жизнь прокурила, но у меня до сих пор в голове никак не укладывается, как это женщина **на людях** может показаться с сигаретой в зубах?! Я один раз в больнице лежала. Две недели. И две недели я ведь не курила! И – совершенно спокойно».

Так что ж это за наркотик такой – никотин, если он на людях и в больнице начисто утрачивает свою способность действовать – проявляться, как нечто потребностное для обменных процессов?!

И, в таком случае, кто ж на самом-то деле управляет желанием принимать яд?

Желанием управляет не тело, а – голова!

Еще пример. Саяногорск, 40-летний мужчина:

«У меня болела жена. Жена – болела. Квартирка у нас маленькая, однокомнатная. Ну и как-то неудобно курить. Я и не курил при жене. А тут – ребенок родился. Ну и опять курить нельзя. И так я в это дело втянулся, что мог целых два дня – суббота и воскресенье – дома запросто просидеть и не курить. Легко. И даже не вспоминать о сигаретах».

Что ж это за наркотик такой – никотин, и что это физиологические обменные процессы, не действующие по выходным дням?!

Физиологические обменные процессы – это процессы нашего организма, имеющие определенный ритм и существующие объективно, т. е. независимо от сознания человека, которые невозможно отменить ни инструкцией, ни собственными умственными соображениями. Попробуйте, например, отменить процессы, участие в которых принимает кислород, вода или белки. Ничего не выйдет, даже не пытайтесь! Почему? Потому что эти вещества действительно вошли в **обменные** процессы вашего организма. И совершенно иное дело – явления **психологические**, на которые

мы действительно способны влиять, ибо они зависят от наших **мыслей, знаний, убеждений**.

К вышеозначенным выводам мы приходим еще и после следующих размышлений. Известно, что «...пробывание в течение 8 часов в закрытом помещении, где курят, приводит к воздействию табачного дыма, соответствующего курению более 5 сигарет» [8]. Следовательно, человек, находящийся в помещении получает и дозу наркотического вещества – никотина, равную тем же 5–6 сигаретам.

Встретив эту информацию, я опросил некурящую женщину, пришедшую на мой курс избавляться от алкоголя, и живущую в таких условиях: на работе – в дыму, дома – в дыму, а затем, на субботу-воскресенье – на дачу.

Повторюсь: если она жила в таком режиме, следовательно, за сутки она потребляла такое же количество табачной отравы, в том числе никотина, которое содержится **в нескольких сигаретах**. И разница между такой женщиной – назовем ее Анной и, скажем, ее мужем – назовем его Павлом, заключается только в том, что Павел потребляет никотин из самой сигареты, а она же – при вдыхании комнатного воздуха.

Так вот, я у Анны специально спрашивал: «Вот когда вы 2-ое суток без табачного смрада, у вас же возникает, наверно, иной час такое желанье дымочка подышать?»

«Да, какое ж, – говорит она, – желание?! Да, я просто рада тому, что целых 2 дня, 2-ое суток могу жить на чистом, на свежем воздухе, и что к вечеру я не как “выжатый лимон”, а как нормальная, свежая женщина. Сроду не было у меня такого желанья дышать дымом!».

Как это покажите понимать?! Ведь она же за день в городе, как минимум **по 5–6 сигарет** пассивно выкурила, ее кровь, ее организм **хронически** отравлен никотином, наркотиком, входящим, якобы, в обменные процессы, и тут вдруг – нате вам! – ни малейшей тяги, никакой наркотической ломки!?

А у Павла? Он-то ведь, если без сигарет приедет на дачу, у него же через **3 часа уши** опухнут!?

У него – да, у нее – нет.

А если б он, раздумав ехать на дачу, отправился бы на работу – спустился **в угольную шахту**, то ведь и у него с ушами был бы полный порядок, не так ли?

Так-то так, но как же это все понимать?!

Первое, что бросается в глаза, когда размышляешь над этим казусом, так это то, что Анна в городе поглощала сигаретный смрад вынужденно, невольно, пребывая в условиях, качество коих от нее не зависело, а Павел – также вынужденно, но иначе – под влиянием сформировавшейся привычки.

В чем выражалась привычка? Она выражалась в процедуре курения, которая стала обычной и необходимой для устранения избытка возбуждения, переживаемого, как состояние неудовлетворенности, неизменно возникающего в определенных ситуациях. Например, если говорить предметно, в такой ситуации, как прибытие на дачу. Сам по себе факт завершения пути – достижение конечной точки движения (или окончание какой-либо работы, деятельности), и есть ситуация, порождающая эффект – состояние проявленного психического напряжения, которое в доситуативный период при движении было вовлечено в деятельный процесс, способствующий достижению цели, и поэтому не осознавалось, теперь же, будучи неиспользуемым, но еще в силу инерционности существующим, оно стало выступать как некая **ненужность**, как очевидная **помеха**.

Человек, сформировавшийся, как куритель, при-

вычно реагирует на помеху закуриванием. С какой целью? Чтобы, посредством ядов табачного дыма, а также путем совершения курительного ритуала устранить помеху, представляющую собой, если отвлечься от умственной сутолоки, – избыток психофизиологического возбуждения.

Что же происходит, если куритель по какой-либо причине не может прибегнуть к курению и, соответственно, устранить помеху?

Во-первых, конечно же, его не оставляет чувство неудовлетворенности от незавершенности того, на что уже настроился, а, во-вторых, он страдает от никотиновой **абстиненции** – состояния, очень похожего на отравление, но отравлением не являющимся: путаются мысли, нарушается концентрация внимания, возникает беспокойство, раздражительность, усталость, слабость, головная боль, сухость в ротовой полости, першение в горле, кашель, могут наблюдаться нарушения сердечного ритма, скачки артериального давления, тремор рук и даже судороги... Да еще и в груди возникает ощущение, будто бы чего-то не хватает...

Последнее даже выступает аргументом против отказа от курения: «Я бы курить бросил, да вот, организм требует».

Спрашивается, чего же не хватает, чего ж это «требуется», если «...в табачном дыме содержится около 3 000 химических соединений» [9], в том числе такие, широко известные вещества, как оксид углерода, никотин, ацетон, муравьиная кислота, аммиак, бензол, бензопирен, формальдегид, винилхлорид, цианистый водород, полоний-210 и пр., и – **нет ни одного полезного** для организма?

Может ли человек нуждаться во **вредных** веществах?

Да, но только в том случае, если он – болен. Великий немецкий социолог, философ, психоаналитик Э. Фромм так об этом и сказал: «Жажда того, что вредно, – вот в чем сущность душевного заболевания» [10].

Это подтверждают и иные, весьма авторитетные источники. В частности, упомянутые в монографии доктора медицинских наук В.К. Смирнова «Табачная зависимость и курение табака»: «В перечне Международной статистической классификации болезней, травм, причин смерти 9-го пересмотра, курение зафиксировано под шифром 305.1 в 5 главе “Психические расстройства”. <...> Американские исследователи в 1979 году в классификации психических заболеваний 3-го издания, ввели табачную зависимость как официальное психиатрическое расстройство. <...> Табачная зависимость в иерархии психических заболеваний находится в группе болезней, объединенных как “Психические органические расстройства»» [11].

То есть, **курение – это диагноз!**

Если же мы откроем отечественное «Руководство по психиатрии», вышедшее в свет под редакцией академика АМН СССР А.В. Снежневского, то мы и там табакокурение, как и алкоголизм, обнаружим в разделе «Экзогенные психические расстройства» [12].

А кого мы вообще называем человеком **психически расстроенным**?

Например, что нам позволяет утверждать: гитара – расстроена? Она издает не те звуки. Но ведь и человек расстроенный также издает «не те звуки» и делает не то, что подобает.

А почему люди делаются психическими расстроенными – **ненормальными**?

Первая причина – нейроинфекция.

Вторая причина – информация, т. е. сообщения, могущие быть не только истинными, но и ложными,

способными к тому же вызывать как психическое расстройство у отдельного индивида, так и у весьма значительного множества людей.

Информацию, инфицированную ложью о курении, будущему токсикоману в избытке предоставляет его семья, мультфильмы, фильмы, общество...

И вот, человек становится курильщиком. У него сформирована привычка закуривать в определенных ситуациях, сформирован условный рефлекс, звеном подкрепления в коем, выступает **эффект снижения** уровня неудовлетворенности. Данный эффект обусловлен, по крайней мере двумя очевидными факторами: парализацией нервной системы ядами, находящимися в табачном дыме и самим **ритуалом** курения.

И вот, момент прибытия на дачу, определяемый нами, как ситуация (**S** – situation), т. е. фактор, выводящий человека из состояния относительного **равновесия**, порождающий **нужду**, или, иначе говоря, **потребность** (**N** – need) в обретении утраченного, а это, в свою очередь, вызывает привычную **мысль** (**Mc** – mental construction) о сигарете, как о том, с помощью чего можно устранить помеху – избыток возбуждения. Со временем, подобная мысль трансформируется в настоящее **убеждение** (**C** – confidence), т. е. в способ **оправдания** надобности курения.

Так вот, у Павла убеждение в голове есть, а у Анны – нет, потому-то у нее нет и соответствующей **тяги** (**St** – striving) к сигаретному дыму.

S → N → Mc → C → St

При этом важно понимать, что «потребность» – это **состояние**, а «тяга» – **процесс**. Причем, прокурительная потребность не дана человеку от рождения, она формируется в период социализации, и как результат личного соучастия в выполнении курительного ритуала. Только после того, как субъекту удается удовлетворить потребность – устранить рассогласование между должным и сущим с помощью интоксикации, мыслимый предмет удовлетворения потребности – **образ сигареты** становится «записанным» в «тело» потребности, и приобретает «...свою побудительную и направляющую деятельность функции, т. е. становится мотивом» [13]. Вместе с тем, и иначе говоря, данная потребность при очередной актуализации, находит свое выражение в тяготении к сигарете – к тому, с помощью чего она уже была однажды удовлетворена, т. е. фиксируется в нашем сознании как **тяга**.

Но какова же роль убеждения в порождении того, что мы называем тягой, и что вообще означает этот термин?

«Тяга, – как утверждает словарь С.И. Ожегова, – это стремление, тяготение к чему-нибудь». В нашем случае – стремление, тяготение к сигаретам, к алкоголю, к наркотикам, но не только к этому, ведь справедлива отчасти и точка зрения, которую разделяет психиатр, доктор медицинских наук Э.Е. Бехтель: «Термин “алкогольная потребность” представляется нам неточным. Поскольку целью употребления алкоголя является достижение опьянения, правильнее говорить не о потребности в алкоголе, а о потребности в опьянении» [14]. О том же и доктор психологических наук Б.С. Братусь: «Когда мы говорим о потребности в алкоголе, то не следует понимать это выражение буквально. Собственно психологической точки зрения речь идет не о потребности в алкоголе как таковом, а о потребности переживания состояния опьянения» [15].

Таким образом, роль «убеждения» в формировании «тяги» заключается в **оправдании** и, соответственно, в усилении стремления субъекта к достижению состо-

яния «опьянения», которое он истолковывает как состояние удовлетворенности, т. е. как состояние снятой потребности.

Говоря же о потребностях, например, о потребности в алкоголе, в никотине, необходимо, вместе с тем, не впасть еще в одно ложное представление – о вхождении яда в **обменные** процессы организма. Например, у нас может быть потребность в иголке для того, чтобы **с ее помощью** устранить занозу, но, согласитесь, было бы странным утверждать нечто большее.

В свете вышесказанного, наличие тяги у Павла можно объяснять еще и так, как мы объясняем наличие аппетита при отсутствии реального голода. Голод и аппетит – два совершенно разных состояния, два чувства, которые очень важно не смешивать. Голод – проявление **физиологической** потребности, в то время как аппетит – проявление потребности **психологической**. При этом, аппетит, будучи условным рефлексом, может вызываться всем, чем угодно: и видом красиво сервированного стола, и видом пищи, и временем обеда, и сигналом на обед и пр., и т. п. Точно так же курительный, алкогольный, наркотический условный рефлекс запускается соответствующими условными раздражителями – ситуацией, предметами, словами... Вместе с тем, все вышесказанное не отрицает того, что голод и аппетит могут проявляться одновременно или же одно вслед за другим.

Так вот, тяга к интоксиканту, будучи феноменом **психологическим**, возникает не беспричинно, но всегда и только благодаря определенным **условным** раздражителям. С другой же стороны, тяга, как и любые иные, условно-рефлекторные феномены, т. е. ассоциации, базируется на том или ином **безусловном** рефлексе, имеющем сугубо материальную основу. В связи с чем, условный раздражитель способен запускать безусловную реакцию, а последняя, в свою очередь, способна «оживлять» образ условного раздражителя. Например, известно, что аппетит можно вызвать искусственно с помощью ломтика соленого огурца или лимонной дольки даже в том случае, если человек не видит раздражителя, попадающего ему в ротовую полость. В результате предъявления безусловного раздражителя у человека начинается слюно- и соковыделение, что и разжигает аппетит при явном отсутствии голода, и провоцирует процесс формирования соответствующих образов. Раздражители приводят организм в состояние возбуждения, снять которое можно **не только пищей**, поскольку в данном случае человек **не еды хочет**, но устранения неудовлетворенности, т. е. **нужды в снятии возбуждения**. Вместе с тем, это же слюно- и соковыделение можно вызвать и с помощью условного раздражителя, в качестве которого может выступать и вид лимона, и слово «лимон». Сама же по себе **мысль** (образ, слово), **не подкрепленная ощущениями**, вызвать аппетит, желание, тягу – не способна. В этом совершенно легко убедиться, вообразив после очень сытного обеда то или иное блюдо.

Не может вызвать тягу к интоксикации и один лишь образ интоксиканта, как и его непосредственное присутствие в натуральном виде. Пьющие хорошо знают – бывают такие случаи, когда настолько скверно на душе, что на предложение глотнуть даже совсем халвяной выпивки – «полегчает», – как бы само собою вырывается наружу удивительное: «не хочу, братан, и не стану!».

Так, значит, неудовлетворенность сама по себе не способна вызвать тяготение к алкоголю, переходящее в поступок, **тяга запускается убеждением?**

В середине XIX века родоначальник науки о поведении, И.М. Сеченов утверждал: «Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него никакая мысль невозможна» [16].

Никакая мысль невозможна, стало быть и мысль об интоксикации. Положение о последнем наисущественнейшим образом дополнил еще в 1981 году сотрудник НИИ экспериментальной медицины АМН СССР, кандидат биологических наук Г.А. Шичко (1922–1986): «Важнейший вопрос теории алкоголизма – причина употребления спиртных напитков населением. Мои многочисленные наблюдения, в том числе и отчетного периода, показали, что имеется одна универсальная причина – питейная запрограммированность» [17].

Внешнее чувственное возбуждение, выступающее по отношению к индивиду, как ситуация, создающая у него **внутреннее** чувственное возбуждение (нарушение гомеостаза), находящее свое воплощение в помышлении о питии, но, прежде чем поступок будет совершен, человек испытает тиранию навязчивой тяги. Причем, тяга дает о себе знать не тотчас, как только человек помыслил об интоксикации и вышел на уровень принятого решения. Тяга пробуждается исключительно в том случае, если после принятого решения интоксигироваться, акт интоксигирования по той или иной причине **откладывается, не осуществляется**.

Причем, феномен тяги не нужно смешивать с абстиненцией. Абстиненция – это состояние, переживаемое как **следствие** приема спиртного, а тяга – это **манifestация невозможности** совершить прием интоксиканта в связи с той или иной заминкой, с временной задержкой. Вместе с тем, тяга и абстиненция вполне могут сосуществовать одновременно. Более того, тяга может наличествовать при отсутствии абстиненции, и отсутствовать при абстиненции.

Важное пояснение: понятие «тяга» в рамках данной работы тождественно как понятию «**непатологическое** влечение», означая, что потребление интоксиканта «...является психологически понятным (оно служит целям наладить социальные контакты, преодолеть застенчивость, расслабиться, успокоиться и т. п.)» [18], так и понятию «**патологическое** влечение», которое «...нельзя постигнуть с позиций здравого смысла, оно психологически непонятно, к нему неприменимы различные “мотивационные” объяснения» [19].

Утверждая вышесказанное, полагаю уместным и несколько **усомниться в однозначности** той замечательной констатации, которую сделал в своей монографии «Лечение алкоголизма» известный психиатр-нарколог Г.М. Энтин: периодически возобновляемое первичное патологическое влечение к алкоголю объясняется возникающим при алкоголизме нарушением обмена катехоламинов – медиатора дофамина и гормонов адреналина и норадреналина, и этим же «...можно объяснить нейровегетативные и психические нарушения в абстиненции у больных во II стадии алкоголизма и непреодолимую потребность в опохмелении» [20].

Объяснение феномена тяги, влечения к интоксиканту нарушением обмена катехоламинов – изящно и убедительно. Однако ж данное установление не исчерпывает явление. И думать так вынуждают, прежде всего, эмпирические наблюдения, о коих выше уже было сказано. Теперь же вернемся к нашему Павлу, подъезжающему к своей даче.

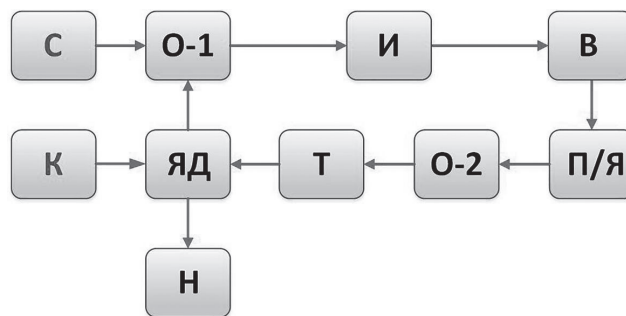
Прибытие в конечную точку пути, впрочем, как и убытие из нее, как и все то, что вот-вот закончится или же

начнется – любой момент смены условий, – фактор, резко увеличивающий степень психического возбуждения, что ощущается при отсутствии точки приложения, как очевидная помеха, как неудовлетворенность. Но сейчас не об этом, сейчас о том, что **за несколько минут до прибытия** на дачу в организме уже начинается **подготовка** к вероятностному поступлению ядов и, соответственно, к предстоящей интоксикации. Заблаговременная активизация **защитных механизмов** – условно-рефлекторная реакция на химическую травму (острое отравление), случившуюся в прошлом, и случавшуюся в прошлом неоднократно. И при этом именно токсикант, поступление коего **ожидаемо** и в достаточной степени **вероятностно**, играет для защитного механизма роль пускового фактора. Но – и вот это-то и есть самое важное в размышлениях, излагаемых в данной работе – что же происходит, если защита активизирована, а яд не поступил?

О том, **что** происходит, можно гадать, а можно и сказать точно: **у Павла пухнут уши**. И это совершенно очевидно. Даже при том, что мы можем не иметь ни малейшего понятия о «защитных механизмах» и специфичны ли они химически. Очевидно также и то, что при непредвиденной задержке – при непоступлении интоксиканта, именно они – причина состояния, именуемого табачной, алкогольной, наркотической «ломкой». И речь, уточняя, идет не об абстинентном синдроме и не о влиянии метаболитов.

Выше изложенное позволяет, я полагаю, сделать и нижеследующий вывод: коль с поступлением ожидаемого интоксиканта происходит задержка, то вещества (эндогенный антидот), заблаговременно уже спродуцированные защитным механизмом, сами же оказываются в положении не только как бы неуместно присутствующих, что, конечно же, усиливает состояние возбуждения, но и создают состояние крайней неудовлетворенности. Более того, возникает хорошо знакомое курильщикам ощущение – «чего-то не хватает», которое, усиливаясь, оформляется в **тягу к тому, чего не хватает** – комплексу ядовитых веществ, находящихся в табачном дыме, – устранить которую, можно либо посредством вывода из организма противоядия (антидота), либо введением яда, нейтрализующего эндогенный антидот.

Возникает, как мы видим, необычная картина: яд превращается в **противоядие** для **противоядия!**

Где: С – ситуация; О-1 – ситуационно обусловленное ощущение; И – информация о допустимости и желательности использовать интоксикант для устранения состояния неудовлетворенности; В – вера в то, что интоксикант устранит состояние неудовлетворенности; К – курение (процедура потребления интоксиканта); П/Я – противоядие; О-2 – ощущение, вызванное противоядием (ломка); Т – тяга; ЯД – интоксикант; Н – остаточные компоненты, продукты нейтрализации интоксиканта и антидота.

Весьма любопытный в этом отношении диалог присутствует в брошюре красноярских врачей А.П. Сугоняко и В.И. Матюшкина «Вместо курения»:

- Понимаешь, я уже бросил курить, но так плохо себя чувствовал, что пришел к выводу: мой организм нуждается в веществах, которые содержатся в табачном дыме. Нуждается, как в пище и воде...

- Это очень распространенная среди курильщиков ошибка, Валентин. В табачном дыме нет ничего, в чем бы твой организм действительно нуждался. И желание курить связано вовсе не с удовлетворением подлинных потребностей организма. Вот, что с ним происходит на самом деле.

От ядов, поступающих с табачным дымом, организм защищается тем, что вырабатывает **противоядия**, которые называются **антидотами**. Табачные яды, соединяясь с антидотами, **обезвреживаются** подобно тому, как нейтрализуются при соединении щелочь и кислота.

Когда человек бросает курить, то какое-то время противоядие в его организме продолжает вырабатываться. **Накопление антидотов при отсутствии табачных ядов вызывает неприятное самочувствие** [21].

И вот это-то «неприятное самочувствие» и устраняется, когда происходит взаимонейтрализация интоксиканта и антидота. К тому же яд, воздействующий парализующим образом на ЦНС, понижает еще и уровень возбуждения, что и создает в совокупности определенный эмоционально-положительный фон. Впрочем, этот фон не продолжителен по времени, поскольку первая же порция поступившего в организм интоксиканта, тотчас переводит механизм, производящий противоядие, в постоянно действующий режим. То есть, нейтрализацией противоядия первой порцией интоксиканта дело не заканчивается. И вот почему.

«С физиологической точки зрения, – как утверждал известный нарколог Н.И. Иванец, – употребление любых доз алкоголя (становящегося чужеродным веществом) является для организма стрессом» [22], т. е. «встряской» при напряжении сил адаптации. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что эта «встряска» обусловлена в большей степени самим **фактом присутствия** этанола, нежели проявлением его биохимических свойств. Великий физиолог И.П. Павлов утверждал: «...с самого начала действие алкоголя есть действие парализующее, а не возбуждающее» [23]. Так, например, простое **присутствие** пьяного человека, как правило, вызывает у домочадцев состояние напряжения, тревоги, испуга, а вот его непосредственные **действия** могут создавать уже эффект в буквальном смысле слова омертвляющий.

Вместе с тем, испуг имеет одну очень важную специфическую особенность: он провоцирует не только появление ответных действий, но действий с избыточным потенциалом, что и нашло отражение в поговорке «У страха глаза велики». Велики, потому что фактор, вызывающий страх, нужно не только уничтожить, но уничтожить наверняка. Этот феномен испуга мы наблюдали в натуральную величину в конце 80-х годов, когда из розничной торговли сначала вдруг пропали и надолго электролампочки, затем стиральный порошок, туалетное мыло... И, когда товар вновь появлялся на прилавках, люди покупали, но – уже **с приличным запасом**.

Такова типичная реакция человека на испуг, вызванный дефицитом.

Обратимся к рассказу Д. Лондона «Любовь к жизни», в котором автор описывает человека, оказавшегося без пищи один на один с суровой природой Канады. Он не ел несколько дней, он страшно изголодался, но вот его спасают ученые с китобойного судна «Бедфорд»:

«Он сидел за столом вместе с учеными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался такому изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезавший в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит. <...>

Ученые осмотрели потихоньку его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в полном расстройстве. Он только принимал меры на случай голодовки – вот и все. Ученые сказали, что это должно пройти, и это действительно прошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско» [24].

Таким образом, и человек, как социальное существо, и организм, как биологическое образование реагируют на ущерб, нанесенный **дефицитом** – в нашем случае дефицитом противоядия, – в сущности, одинаково: страх, повышение чувствительности – способности распознавать признаки стрессогенной ситуации при ее вероятностно-повторном возникновении, стимуляция **избыточной** секреции веществ, входящих в систему защиты с тем, чтобы минимизировать ущерб, наносимый интоксикантом... Так происходит и в том случае, когда человек, обжегшись на молоке, дует на воду: «Ожог вошел в его память. Не страх сохранился в памяти, а сама память превратилась в страх» [25].

Страх – создатель излишнего, в нашем случае, антидота, который и есть причина тяги. Это, кстати, позволяет понять, почему в 15 лет человек мог вечером в компании принять рюмку алкогольсодержащей жидкости, от второй отказаться, утром был «свеж, как огурчик», а вот в 40 лет – уже далеко не тот фрукт-овощ.

Что же произошло за все эти годы?

Очевидно, что на первую порцию этанола, попавшую в организм дебютанта, системы защиты – алкогольдегидрогеназная, микросомальная этанолюкисляющая (МЭОС), каталазная – **заблаговременно** никак не среагировали. Соответственно, организм был не готов к поступлению столь большой порции яда – хотя для привычно пьющих она таковой не представлялась, – и отреагировал... Вот, несколько воспоминаний моих клиентов.

Евгений Александрович: «Я спиртное попробовал первый раз в 16 лет по случаю несдачи экзамена. Меня сильно мутило, кружилась голова, а в итоге стошнило и вырубил».

Павел Вадимович: «Впервые ко мне попал алкоголь по совету товарища в 12 лет. После принятия спиртного я прибежал домой и улегся спать от головокружения и слабости».

Светлана Владимировна: «Впервые мне дали попробовать для интереса бражку в 13 лет. Мой дядя. Тогда я еще не знала, что это такое. Реакция была ужасная, рвота, головная боль».

Все это симптомы острого отравления, указывающие на то, что организм оказался жертвой дефицита противоядия, способного обезвредить опасное вещество. И именно это, по всей видимости, и явилось причиной образования нового условного рефлекса, позволяющего не только **заблаговременно** распознавать и

реагировать на ситуацию вероятностного потребления спиртного, но и продуцировать антитоды **с запасом**, т. е. в количестве достаточным, чтобы избежать ранее случившегося дефицита. Конечно, возможности организма ограничены. Например, концентрация **условно эндогенного** этанола в плазме крови (вопрос производства которого клетками до сих пор дискутабелен), крайне мала и весьма вариабельна – от следовых количеств и до 0,3 % [26], но, что весьма важно, такая его наличность субъективно человеком не ощущается. Следовательно, организм с подобной концентрацией успешно справляется. К тому же, «молекулы эндогенного этанола “живут” в организме считанные мгновения» [27]. Вместе с тем, касаясь темы эндогенного этанола, важно не утратить здоровый скепсис касательно этого вопроса. В частности, не упустить из общей картины весьма ценный нюанс, отмеченный врачом-токсикологом А.В. Водовозовым: «Эндогенный алкоголь производит микрофлора толстой кишки, но это **внешняя** среда организма!» [28]. Внешняя! К **внутренней** же среде организма еще со времен французского физиолога К. Бернара принято относить кровь, лимфу, а также тканевую (интерстициальную) жидкостью, которая омывает клеточные элементы и принимает непосредственное участие в процессах метаболизма [29]. И вот в этой-то внутренней среде концентрация образовавшегося условно эндогенного этанола, как выше уже было отмечено, и может достигать до 0,3 %.

Что же происходит, когда в организм индивида **впервые** поступает **значительная** порция яда? Неподготовленные к подобному эксцессу системы защиты реагируют, но из-за их недостаточности, тем не менее, наступает состояние острого отравления. И к подобному насилью над собой, желаящей не выделяться из сообщества себе подобных, прибегает до тех пор, пока однажды **признаки интоксикации** не начинают интерпретировать в свете внушенной ему информации, т. е. определять их и воспринимать их, как «кайф», «весело стало», «расслабился», «взбодрился» и пр. С этого момента самопринуждение к питию уже переходит в патологическое влечение к питию.

А тем временем и его системы защиты преобразуются – они **научаются** активизироваться **загодя** и, мобилизуясь, продуцировать и секретировать антитоды **с запасом**. Можно сказать, что путем многократного повторения одного и того же, и, прежде всего, на основе систематически случающейся химической травмы происходит формирование жизненно важного условного рефлекса. Вместе с тем, это и процесс привыкания – повышения толерантности.

Исходя из вышевыдвинутого **предположения**, а на большее я и не претендую, позволю себе изложить и свое собственное понимание того, что представляет собой **причина** ситуационно обусловленной тяги (влечения) к интоксиканту, а также влечения непатологического и патологического.

Первое наше утверждение о том, что системы защиты **научаются** активизироваться **загодя**, следует из того, что желание покурить (тяга) возникает не только как постситуационный феномен, например, прибытие на дачу, но и как состояние, возникшее **до ситуации**, при вероятностной грядущей смене условий. Причем, данную тягу формируют не метаболиты, не некие биологические процессы, не острая нехватка ацетилхолина и пр.

Невозможно ж не видеть – **доситуационная тяга** инспирируется памятьливостью, **знанием** того, что при этой же, при подобной совокупности обстоятельств ра-

нее уже случалась, а, значит, может и вновь случиться процедура курения. Именно **информация** и активизирует эндогенную систему защиты, наличествующие продукты которой репрезентируется, как тяга к поглощению дыма, к совершению курительного ритуала. Тяга, таким образом, имеет, и это совершенно очевидно, ярко выраженную условно-рефлекторную природу. Кроме того, важно понимать: организм испытывает влечение к компонентам табачного дыма не для того, чтобы включить их в обменные процессы, но для того, чтобы с их помощью нейтрализовать уже заготовленное и никак не используемое противоядие.

И, с другой стороны, если есть когнитивный компонент, но он не находит отклика в теле, тело безмолвствует, то и никакое тяготение к чему бы то ни было невозможно в принципе.

Далее, из чего мы исходим, утверждая, что системы защиты, мобилизуясь, продуцируют и секретировать антитод непременно **с запасом**? Кто и когда это вычислял?

Конечно, тут можно сослаться на неписанную аксиому: травма – психическая ли, химическая – любая разновидность стресса, любой страх неизбежно и всегда рекрутируют себе в помощники избыточность, как надежный гарант успеха. Однако можно ж и рассмотреть тему в динамике, изучить трансформацию тяги...

При определенной дозе выпитого человек неизбежно сталкивается с состоянием интоксикации, которое может возникать уже после рюмки коньяка, бокала шампанского, кружки пива. «Обычно этого количества, – заметил кандидат медицинских наук, нарколог А.П. Сугоняко, – достаточно для того, чтобы вызвать у здоровых людей острое отравление спиртными напитками, а, следовательно, алкогольный дистресс, который субъективно ощущается в специфических и неспецифических реакциях организма (легкое головокружение, чувство тепла в теле, “гудят” мышцы, слабость с нежеланием двигаться, думать и т. д.)» [30]. Вся беда, очевидно, тут заключается в том, – как ранее в частной беседе утверждал Анатолий Павлович, – что человек эту симптоматику острого отравления воспринимает в свете ложной, внушенной ему информации, как нечто приятное и даже полезное. Например, один из признаков опьянения – головокружение, потребителю этанола обычно доставляет определенное удовольствие, но ведь головокружение, возникшее после поглощенного спиртного – это свидетельство **нарушения** вестибулярного аппарата. Или же тепло, возникшее в пищеводе и в желудке. Отчего тепло? Коньяк был теплым? Что же это за тепло? Это химический ожог – **повреждение** тканей.

Исходя из установленного, мы можем утверждать: все то, что человек ощущает после поглощенного яда – это симптомы отравления, разрушения, возникновения заболеваний и расстройств, а также признаки формирующегося и даже уже сформировавшегося алкоголизма.

Так вот, рюмка коньяка, – уточним мы, – это 50 граммов 40 % жидкости, что у мужчины, массой тела 60 кг и при росте 1,70, создает концентрацию алкоголя в крови 0,3 %. И уже с этой точки стартует субъективное ощущение легкого опьянения, очевидного нарушения гомеостаза, поскольку, как можно предположить, скорость вхождения этанола в контакт с центральной нервной системой значительно выше скорости его расщепления системами защиты. Возможно именно последнее и побудило доктора медицинских наук, корифея современной наркологии Г.М. Энтина констати-

ровать: «Термин “умеренное употребление спиртных напитков” должен быть окончательно изъят из научной и научно-популярной литературы, а также из публицистики и обиходной речи» [31].

Конечно, такой подход – определение термина «умеренное употребление», как антинаучного, недопустимого даже для использования в обиходном, бытийно-повседневном вербальном коммуницировании – не может не радовать нас, людей, профессионально занимающихся утверждением в России трезвости. Тем более что методологический камень, на котором строится наша бескомпромиссная деятельность, определен еще в Евангелии от Матфея: «...да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Матф 5:37).

Организм индивида, вставшего на путь приобщения к алкоголизированному социуму, довольно скоро проходит этап первичного формирования толерантности: резкое реагирование на проглоченный яд исчезает, крайне редко случается головокружение, тошнота и рвота. Достижение желаемых ощущений (опьянения), воспринимаемых в свете ложной информации не интоксикацией, но – расслаблением, раскрепощением, освобождением от навязчивых мыслей, поднятием настроения и пр., – требует все больших доз этанола – яда нейротоксического действия. И система защиты уже не препятствует поглощению интоксиканта – не реагирует отторжением (утрата рвотного рефлекса), справляется с его присутствием...

Однако ж, путь пьющего – не топтание на месте. Стремясь, и уже не от случая к случаю, а систематически к распитию спиртного, чтобы не только обрести прежде ощущаемый эффект, но эффект и более забористый да смачный, – индивид дозу выпитого все более и более наращивает, и вот к уже имеющемуся психологическому влечению добавляется еще и физиологическое влечение, – это именно то ощущение, когда «чего-то не хватает».

В данном случае я имею в виду не первичное влечение к алкоголю – «потребность в приеме опьяняющего количества спиртных напитков для достижения эйфории, получения необычных ощущений или с целью снятия субъективно неприятного психического состояния» [32], но то эндогенное влечение, которое возникает после первой поступившей в организм порции алкогольного яда. Причем, влечение возникает спустя некоторое время после первой выпитой порции спиртного, и оно никак не связано с происходящим около.

О чем это говорит? Чем это можно объяснить?

Если есть патологическое влечение (тяга), как выше мы уже разобрались, значит, возник **дефицит этанола**, ибо есть **избыток** антидота. И теперь уже от этого **избытка**, человек чувствует себя дискомфортно и с беспокойством произносит: «Ребята, что-то мы засиделись, давайте-ка по второй?». Это уже **не я** хочу выпить, а **кто-то во мне**, настойчивый и глухой к моим доводам, хочет. Наркологу подобное явление определяют, как свидетельство полностью сформировавшейся II стадии алкоголизма. Этанол уже требуется не для того, чтобы поддержать и продолжить процедуру питания, но для того, чтобы, – согласно гипотезе А.П. Сугоняко, – с помощью выпитого нейтрализовать антидот.

И вот вторая порция этанола проглочена. И пока эта порция «взаимодействует» с избытком антидота, индивид выпивший переживает некоторое удовольствие, переходящее в удовлетворение. Но... ведь на **очередную дозу яда** организм продуцирует и очередную волну **антидота**. И опять же с запасом?! И опять эти

излишки невостребованного противоядия носят по организму и требуют свою порцию. И тогда в ход идет третья рюмка, и пятая, и десятая...

Вот так человек в этот день и напился.

Просыпается утром. Как вы считаете, есть у него утром в крови алкоголь?

Нет! Потому что еще вечером он «отрубился» от очередной порции спиртного, а на эту порцию спиртного организм направил очередную порцию противоядия. Причем, направил порцию с запасом.

Так вот, **у человека, проснувшегося утром алкоголя в крови – нет**. Об этом мы можем прочитать в книге В.А. Балякина «Токсикология и экспертиза алкогольного опьянения»: «При похмельном состоянии содержание алкоголя в крови часто приближается к нулю» [33].

И еще одна цитата из книги И.В. Стрельчука «Алкоголь и здоровье»: «Наблюдениями установлено, что у здоровых людей максимальное содержание алкоголя в крови (после введения его из расчета 1,5 мл на 1 кг веса тела) обнаруживается через 2,5 часа. Через 15 часов его уже нет в крови. У привыкших же к алкоголю (алкоголиков) при приеме такой же дозы максимальное содержание алкоголя наблюдается через 1,5 часа и **исчезает из крови через 7 часов**, т. е. более чем в 2 раза быстрее» [34].

Через 7 часов, т. е. утром у алкоголика алкоголя в крови нет.

Вы спросите: а как же анализ у нарколога в случае, например, ДТП?

Могу предположить, что прибор у нарколога реагирует **не на алкоголь, а на противоядие**, т. е. на вещество, которое чем-то похоже на алкогольный яд.

Итак, человек утром проснулся – алкоголя в крови нет, но есть противоядие, именно то противоядие, которое он вчера не успел нейтрализовать с помощью очередной порции спиртного. Не успел, т. к. отрубился. Соответственно, если в организме есть противоядие, оно требует яда, оно самым негативным образом воздействует на самочувствие. (Не станем при этом смешивать тему тяги и тему похмелья). И он, для нейтрализации противоядия, выпивает дозу спиртного. И эта доза нейтрализует оставшееся с вечера противоядие, и первые минут 15 человек чувствует себя гораздо лучше, но...! Но эта, утренняя доза спиртного, оказавшаяся в ротовой полости, в свою очередь запускает механизм выработки противоядия – и в организм выбрасывается его новая порция! И опять же – с запасом!

Именно поэтому человеку через 15–20 минут после того, как он опохмелился, становится опять плохо. И тогда он вынужден выпить еще одну порцию спиртного. Но эта, очередная порция требует и очередную порцию противоядия!..

Вот, как человек уходит в запой.

И этот запой так никогда бы не и кончался, если бы каждый день начинался: антидот → тяга → этанол → антидот → тяга...

Известно, что адаптационные механизмы исчерпаемы. И вот, однажды утром алкоголик заливает в себя порцию алкоголя, а противоядия оказывается даже меньше, чем надо. И – происходит мощное отравление с сильной рвотой, покраснением лица, учащенным сердцебиением и прочим. Более того, **когда нет противоядия, то нет ведь и тяги**. И тогда возникает простая и реальная возможность выхода из запоя. Если бы этого не происходило, а противоядие выделялось бы все с запасом да с запасом, то из запоя мало бы кому удавалось бы выходить. Пьющий так и сгорел бы от этого алкоголя.

Отсюда нам становится понятным: человек становится алкоголиком, когда у него на алкоголь вырабатывается противоядие **в избыточном количестве**, в результате чего и возникает, так **называемая, жажда алкоголя, потребность в алкоголе или, иначе говоря, тяга, патологическое влечение**. Это, кстати, является и ответом на вопрос: почему переходя на слабые сигареты, человек начинает курить чаще – привычно выделяющийся определенный объем противоядия, требует определенной дозы никотина. Кроме того, увеличение дозы зависит от привычного размера «испуга» иммунной системы.

Спрашивается, зачем мы с вами это все рассматриваем? Во-первых, для того, чтобы ясно понимать: **патологическая тяга – это эффект воздействующего противоядия**. Во-вторых, для того, чтобы ясно представлять: механизм выделения противоядия запускается двумя способами:

1. принудительно с помощью яда, попавшего в организм, в том числе, случайно и когда это происходит без участия сознания;

2. с помощью мысли о допустимости питания.

Последний способ заключается в следующем.

Когда человек думает о чем-либо или что-либо видит, то у него в сознании, словно на киноэкране, отражается соответствующий образ. При этом его подсознание, а ведь именно оно дает команду на выработку противоядия, глядя на этот экран, не способно понять: образ есть отражение реально существующего предмета или же воображаемого. Например, если некто будет рассказывать вам о желтом лимоне, разрезанном на сочные дольки, то у вас, естественно, появится во рту слюна. Но лимона-то нет? Лимона нет, а слюна – есть.

В чем тут дело?

Оказывается, слово «лимон» – это условный сигнал, вызывающий образ лимона, который подсознание принимает за фрукт, существующий в реальности, и поэтому дает команду соответствующим структурам: «Срочно слюну!».

Этот же механизм срабатывает, если вы только подумаете о чем-то страшном: у вас напрягутся определенные мышцы, изменится глубина дыхания и частота пульса, хотя опасности, как вы понимаете, нет никакой. Опасности нет, а мышцы – напряглись.

Вот вам еще один образец того, что подсознание не способно отличать реальное от воображаемого.

Какое же это имеет отношение к нашей проблеме – к ядопотреблению?

Самое прямое: как только вы **подумали** о наркотике, как только вы **допустили** мысль о возможности питания или курения, как только вы начали думать об алкоголе, **как о напитке**, у вас тут же включается механизм выделения противоядия! На всякий случай. Это и есть привычка.

Если взять железную линейку и ни с того, ни с сего взять, да и шлепнуть ею своего собеседника по руке, то руку он, скорее всего, одернуть не успеет. Но если попытаться проделать это же вторично, то его рука придет в движение автоматически и заранее. И линейка, скорее всего, промахнется.

Точно также ведет себя и наш организм по отношению к удару наркотическому: человек только подумал: «А не выпить ли?», только увидел шприц или компанию курильщиков, а подсознание уже дает команду на запуск противоядия. Заранее. И автоматически. На всякий случай.

Если же противоядие появилось, то оно, не находя яда, оказывает раздражающее воздействие, и чело-

век начинает **физически** чувствовать **тягу**, то есть желание принять дозу яда. Для нейтрализации противоядия.

Можно ли эту тягу подавить известными таблетками? Можно. Они это и делают, воздействуя на механизм противоядия. При этом человек, попадающий в ситуацию и распознающий ее, как питейную, не имея противоядия и поэтому не испытывая тяги, может достаточно легко отказаться от предложенного спиртного. Однако никакая таблетка не действует даже в течение нескольких дней. Кроме того, она ведь тоже – яд. Алкоголь – яд, и таблетка – яд. В частности, тетурам – полифункциональный яд, считавшийся в былые времена самым эффективным препаратом, оказавшийся и самым ядовитым средством из арсенала противоалкогольных средств, дающим нервно-психические расстройства, сердечно-сосудистые нарушения, различные поражения органов пищеварения и прочие осложнения, и побочные эффекты. Летальная доза тетурама: без алкоголя в крови около 30 г.

Можно ли управлять тягой? Можно, если признать за истину высказывание А.П. Сугоняко: «Все те, кто стал мыслить понятиями и категориями человека, соблюдающего трезвый образ жизни, смогли вылечиться» [35].

Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы в нашей голове вместо мысли о допустимости ядопотребления, доминировала мысль о недопустимости. Нужно сделать так, чтобы человек, смотрящий на те или иные растворы алкоголя, понимал, что пить их нельзя – **это не напитки**. Мало ли что они жидкие – керосин ведь тоже жидкость, но это не означает, что керосин можно в себя заливать. И поэтому, **раз это пить нельзя, то именно поэтому у человека нет и тяги**. Не может быть тяги к тому, что пить нельзя. **Отсутствие мысли делает невозможным наличие физиологической тяги (влечения)**. Вот, почему шахтер, находящийся много часов в штреке, не страдает от отсутствия сигарет: **в шахте** курить недопустимо – взорвешься. Ну, коль недопустимо, и человек в это верит, так нет и продуцирования противоядия, и, соответственно, нет ни тяги, ни наркотической ломки.

Поясню надобность достижения твердого решения отказаться от интоксиканта, примером.

В конце 1988 года я проводил десятидневный курс по методу Г.А. Шичко. Это была моя первая группа. И на курс, кроме всех прочих, пришли три деда каждый с полувековым стажем курения. Когда я об этом узнал, я внутренне просто безнадежно ахнул и подумал: все! Амба! Провал, позор – я ничем не смогу им помочь.

И вот, проходит 2-е занятие, 3-е занятие, подходит к концу 4-е, а по окончании каждого занятия – публичный отчет о том, сколько выкурено за прожитые сутки, каково отношение к курению и каков план курения на завтра. Так вот, доходит очередь до первого деда. Поднимается и нагло заявляет: «Сегодня – не курил?»!

Внешне я был суров и невозмутим, но внутри меня – даже кровь застыла.

Доходит очередь до второго деда. Дед поднимается и – «Сегодня не курил?»!..

Третий – не курил!!!

А 32-летний Сергей Андреевич Арефьев, ныне председатель регионального отделения СБНТ по Хакасии – на тот момент у него был стаж курения каких-то там 10 лет, – отказался только на **шестом** (?) занятии.

Люди, с полувековым стажем – на **четвертом** занятии, а он, с каким-то там десятилетним стажем – на **шестом**.

Не один месяц я размышлял над этим престранным фактом. И не нашел ничего умнее, как объяснить раз-

ницу результатов разницей характерных черт тех, кто проходил курс. Чем отличаются пожилые люди от молодого человека? Пожилые прошли сквозь прожитую жизнь, как сквозь сито, когда, как раньше говорили, колебаться можно было только вместе с политической линией партии. Самостоятельных уклонистов – и правых, и левых – попросту отстреливали. Это, во-первых.

Во-вторых, они жили в атмосфере, когда господствовал принцип: обсуждение, дискуссии, полемика, разговоры и т. п. допустимы только **до принятия решения**. Как только решение принято, все – говорильня закончилась! Делаем дело. Именно так они привыкли жить.

И вот, эти люди пришли избавляться от курения. А 3-е занятие у меня было полностью посвящено именно курению. И они именно это восприняли, как сигнал: раз Евгений Георгиевич делает доклад про табак, а мы от табака пришли отказываться, значит, нужно отказываться.

И они приняли решение. Дружно, не сговариваясь друг с другом.

Чем же на тот момент отличался от них наш Сергей Андреевич? Сейчас он, конечно, уже совсем другой человек – мужественный, окрепший, заматеревший. Это сейчас. А тогда был таким, про которых говорят «у них семь пятниц на неделе»: с утра настроен покончить с курежкой, после обеда заколебался, к вечеру засомневался, на ночь глядя дал себе самому твердое слово окончательно и бесповоротно бросить утром, а утром подумал, что можно же бросить и после обеда...

А коль человек колеблется – то бросаю, то не бросаю – понятно, у него появляется противоядие, неизбежно порождающее никчомушние муки.

Почему у шахтера в шахте нет тяги? Потому что он и тени сомнений не допускает, он на 100 % знает, что в шахте курить недопустимо. На 100%! И поэтому никакого противоядия, и никакой тяги, и никакой ломки.

Еще одну иллюстрацию добавлю.

Проходил у меня курс героиновый наркоман, рассказавший:

«Я как-то решил сам перебороть свое пристрастие. С этой целью запер дверь, телефон отключил. Три недели я никуда не выходил, не спал, не ел – переламывался. И вот, наконец-то, вроде бы полегчало, вроде бы беда осталась позади... Вышел в свет и в люди. Но через какое-то время опять сорвался, опять начал систематически колотиться, а еще через какое-то время за кражу загремел в КПЗ.

И вот, сижу я в камере на нарах, и начинаю понимать, что выпустят меня отсюда не скоро, “ширево” достать здесь – не реально, принести дозу мне никто не принесет. И вы представляете: вся эта моя ломка наркотическая на этот раз закончилась к концу третьего дня! Как вы это объясните?»

Я говорю: что ж тут объяснять? Ваша собственная голова совершенно четко поняла: **наркотика не будет!** Ни сейчас, ни через час, ни завтра. Причем, если первые два дня еще были какие-то надежды, то на третий-то день стало совершенно ясно: ну, не будет! И – на 100%. Ну, а раз не будет, то какой же смысл выработать противоядие? Оно и перестало вырабатываться. Соответственно, исчезла и вся ваша ломка, и вся ваша тяга. Ведь что такое ломка – наркотическая, алкогольная, никотиновая? Это состояние общей дисфункциональности организма, вызванное собственным противоядием.

Вот, почему так важно для легкого, безболезненно и безрецидивного отказа от интоксиканта, а также

для устранения тяги второго типа принять абсолютно твердое решение, основанное на внутренней бесконфликтности и на достаточной информированности.

Таким образом, мы видим, что к этой постыдной привычке – пить, курить, колотиться, – наше тело никакого отношения не имеет. Эта наша привычка зависит только от наших мыслей, от наших убеждений, от нашего мировоззрения. Вот почему «известный отечественный ученый-гистолог И.М. Догель, изучавший влияние алкоголя на птиц, рыб, лягушек, собак, нашел, что эти животные реагируют на алкоголь почти аналогично человеку, но не обнаружил у них последующей “жажды”, потребности в алкоголе» [36]. Совершенно очевидно, что вышеуказанная «жажда» – явление того, чего нет у птиц, рыб и лягушек – явление **сознания**, а не феномен **обменных** процессов, как ошибочно полагают некоторые исследователи.

Кроме того, представляется не бесполезным вдуматься и в само слово «обмен». Обмен – это когда мы что-то дали и что-то взяли. Когда же в тело попадает инородное вещество, например, заноза, то в нашем организме включаются некие механизмы для того, чтобы нейтрализовать и выбросить это **инородное** вещество. Как же можно, будучи в здравом уме при этом говорить, что заноза включилась в **обменные** биохимические процессы нашего организма?

Послушаем еще раз врача А.П. Сугоняко: «Нередко приходится слышать ошибочное утверждение, что алкоголь, наркотики и токсические вещества включаются в обменные процессы организма. В результате такого включения у человека появляется биологическая потребность их употреблять. На самом же деле обменные процессы в организме меняются для сохранения его жизнедеятельности за счет приспособления к отравлению ядами. Приспосабливаясь к худшему, организм постоянно испытывает потребность избавиться от отравления. Поэтому лечение в наркологии направлено на быстрее выведение из организма табака, алкоголя, наркотика и токсических веществ. Если бы химиодистрессоман испытывал потребность в этих ядах из-за того, что они включились в обмен веществ организма, то лечение выведением из организма привычного яда усиливало бы тягу к нему и состояние больного ухудшалось бы, как у погибающих от жажды или голода» [37].

Алкоголь, анаша, яды сигаретного дыма ни при каких условиях не могут участвовать в обменных процессах, поскольку не являются питательными, т. е. пищевыми веществами. Их невозможно использовать ни как строительный материал для клеток, ни как ресурс для пополнения энергетических запасов организма. Если же человек по недомыслию вводит в себя то или иное чужеродное вещество, оно организмом попросту нейтрализуется и выводится вон, но при этом неизбежно возникает эффект отравления. Вот этот-то **эффект отравления в свете ложной информации человек и воспринимает как кайф, как эйфорию, как состояние удовольствия или же расслабления**, что и заставляет, теперь уже самого ядопотребителя, придумывать для самооправдания всяческие байки о пользе ядов, об их безвредности, о вхождении в обменные процессы и участии в работе мозговых структур...

Но трезвенникам-то зачем дуть в эту же дудку?!..

г. Абакан   Евгений Георгиевич Батраков

Декабрь 1997 г.; июль-август 2021 г.

Литература:

1. Рапопорт В. Отец Сергей // Оптималист. – 1997. – №1 (35).
2. Гринев В. Самоизбавление от курения табака. – Москва, Тула, 1997. – С. 20.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1978. – С. 392.
4. Сугоняко А.П. Химиодистрессомания. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – С. 8.
5. Логинов А.С. и др. Лекции о влиянии алкоголя на организм человека. Алкоголь и печень. – М.: Высшая школа, 1987. – С.67.
6. Углов Ф.Г. Из плена иллюзий. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 243.
7. Эрисман Ф.Ф. К вопросу об алкоголизме в России и о санитарном вреде спиртных напитков вообще // Классики русской медицины о действии алкоголя и алкоголизме. – М.: Медицина, 1998. – С. 280.
8. Радбиль О.С., Комаров Ю.М. Курение. – М.: Медицина, 1988. – С. 122.
9. Курение и здоровье (Материалы МАИР). – М.: Медицина, 1989. – С. 28.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ МОСКВА, 2006. – С. 495.
11. Смирнов В.К. Табачная зависимость и курение табака. – М.: ВИНТИ, 1993. – С. 56, 57.
12. Руководство по психиатрии. – Т. 2. – М.: Медицина, 1983. – С. 541.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность – Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 205.
14. Бехтель Э.Е. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. – М.: Медицина, 1986. – С. 105.
15. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – С. 230.
16. Сеченов И.М. Избранные произведения. Т. I. – Издательство Академии Наук СССР, 1952. – С. 104.
17. Шичко Г.А. Разработка индивидуального психофизиологического подхода к избавлению от алкоголизма // Оптималист. – № 4 (136). – Апрель 2010 г. – С. 11.
18. Руководство по психиатрии: В 2-х т. Т. 2 / Под ред. А.С. Тиганова. – М.: Медицина, 1999. – С. 260.
19. Руководство по психиатрии: В 2-х т. Т. 2. – С. 260.
20. Энтин Г. М. Лечение алкоголизма. – М.: Медицина, 1990. – С. 29–30.
21. Сугоняко А.П., Матюшкин В. Вместо курения. – Красноярск, 1989. – С. 15.
22. Иванец Н.И., Валентик Ю.В. Алкоголизм. – М.: Наука, 1988. – С. 66.
23. Павлов И.П. ПСС. Т. VI. – М., 1952. – С. 286.
24. Лондон Д. Избранное. – М., 1951. – С. 566–567.
25. Бастос А. Я, Верховный. – М.: Прогресс, 1980. – С. 19.
26. Иванец Н.И., Валентик Ю.В. Алкоголизм. – М.: Наука, 1988. – С. 49.
27. Иванец Н.И., Валентик Ю.В. Алкоголизм. – С. 49.
28. «Токсикология похмелья». 19.01.16
https://www.youtube.com/watch?v=8_OXS_auvOM
Дата обращения: 27 июля 2021 г.
29. Физиология человека: Учебник / В двух томах. Т. I / Под ред. В. М. Покровского, Г. Ф. Коротко. – М.: Медицина, 1997. – С. 276.
30. Сугоняко А. П. Биопсихосоциальная теория алкоголизма в системе противоялкогольной деятельности. – Красноярск, 1986. – С. 22.
31. Энтин Г. М. Лечение алкоголизма. – М.: Медицина, 1990. – С. 8.
32. Энтин Г. М. Лечение алкоголизма. – С. 14.
33. Балякин В.А. Токсикология и экспертиза алкогольного опьянения. – М.: Медгиз, 1962. – С. 70.
34. Стрельчук И.В. Алкоголь и здоровье. – М.: Знание, 1980. – С. 22.
35. Сугоняко А.П. Химиодистрессомания. – С. 6.
36. Стрельчук И.В. Алкоголь и здоровье. – М.: Знание, 1980. – С. 18.
37. Сугоняко А.П. Химиодистрессомания. – С. 82.

«За трезвый быт!»:

Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы

Уважаемые читатели, соратники! В предлагаемой вашему вниманию статье сделан подробный и объективный анализ алкогольной политики советского государства в 1920-е годы прошлого столетия со ссылкой на многочисленные документы и свидетельства того времени. Данные, представленные в этой работе, будут полезны вам как для личных знаний, так и в просветительской деятельности.

Как вы увидите, автор И. Такала, использует фразу «алкогольные напитки» не заковыченной. У нас так не принято, но так принято в официальных научных кругах. Поскольку статья написана для академического журнала, а не для трезвеннической газеты, мы сочли возможным оставить текст в авторской редакции – редакция.

Ирина Такала

Мы пафосом новым уьемся допьяна,
Вином своих не ослабим волю.
Долой из жизни два опиума - Бога и алкоголь!

В. Маяковский

Алкогольную политику советской власти в первое послереволюционное десятилетие условно можно разделить на два этапа, когда был пройден путь от «диктатуры трезвости»¹ до фактически свертывания антиалкогольных мероприятий, точнее перевода их в совершенно иное русло.

Первый этап, который вполне правомерно считать периодом радикальной борьбы за трезвость, охватывает годы революции и гражданской войны.

Большевикам в наследство от старой власти достались огромные запасы спирта – свыше 70 млн. ведер (в пересчете на 40°)². Сотни складов были заполнены готовой продукцией, в том числе редкими и дорогими винами. В одном Петрограде только частных винных складов насчитывалось около 700 с запасами напитков (автор не придерживается трезвеннической терминологии в отношении алкогольных изделий, что простительно не представителю трезвеннического движения

– ред.) на сумму в несколько миллионов руб.³. Это был воистину золотой запас государства: в главном хранилище страны – погребках Зимнего дворца – хранились, например, элитные напитки общей стоимостью свыше 5 млн. долларов⁴.

Первоначально предполагалось, что захваченное вино и спирт будут проданы за границу⁵, поэтому первыми антиалкогольными мероприятиями новой власти стали распоряжения по охране винных складов. Уже в предписании № 334 от 25 октября 1917 г. Военно-революционный комитет потребовал от всех районных советов Петрограда обеспечить самую тщательную охрану складов со спиртным. 27 октября было дано указание о производстве обысков, облав и арестов с целью пресечения пьянства; всякую попытку захвата спирта предписывалось подавлять силой. В начале ноября был назначен усиленный караул в 40 матросов для охраны винохранилищ Зимнего дворца⁶. 5 ноября 1917 г. Лениным было написано обращение «К населению»⁷, где указывалось на необходимость установления строжайшего революционного порядка и подавления попыток анархии со стороны пьяниц и хулиганов.

Опасения не были беспочвенны – среди населения Петрограда начал нарастать ажиотаж, по городу ходили листовки с призывами к разгрому винных складов и в некоторых местах они начались. «Пьяные» бунты и погромы, прокатившиеся по столице в ноябре-декабре 1917 г., были отчасти следствием хаоса и анархии первых революционных месяцев, отчасти – результатом умелой пропаганды контрреволюционного подполья, распространявшего листовки с адресами винных складов. Действовали и специально подготовленные наводчики, переодетые «под рабочих», провоцируя население на разгром этих складов. «Они, – писала 2 декабря газета «Правда», – хотят превратить наше движение в погром, солдат революции в пьяную орду...». О «планах контрреволюции потопить революцию в пьянстве» докладывал на заседании Петроградского совета председатель Комитета по борьбе с погромами В.Д. Бонч-Бруевич: «В чайные второго и третьего разряда привозятся большие количества водки, которая тут же распродается по крайне дешевой цене, либо раздается даром... В некоторых местах появлялись вдруг какие-то люди, которые давали выстрел в воздух, на который быстро сбегалась банда в 1520 человек, начинала разбирать стену, за которой оказывалось вино. Тотчас же в ближайшие воинские части звонили по телефону. При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснялось, что их спаивали и сорганизовывали из них особый институт подстрекателей к выпивке, за что платили по 15 руб. в день»⁸.

Уже к середине ноября стало ясно, что обеспечить надежную охрану сотен объектов просто не реально. В разных концах города действовали десятки различных по величине групп; погромщики прорывались через оцепления в винные погреба, разбивали тысячетонные бочки, некоторые из них захлебывались и тонули в потоках вина; все это сопровождалось массовыми грабежами и разбоем. Когда стало очевидным, что без чрезвычайных мер остановить пьяные погромы не удастся, Военно-революционный комитет 26 ноября 1917 г. принял решение уничтожить все винные и спиртовые запасы в Петрограде. Для осуществления этого решения учреждалась специальная должность «комиссара по борьбе с пьянством», который должен был присутствовать при уничтожении спиртных напитков. Операцию предписывалось провести в течение ближайших двух дней, первым «винным комиссаром» был назначен И.Ф. Быдзан⁹. На следующий день красногвардейские отряды и несколько рот матросов с пулеметами

приступили к операции: бутылки и бочки разбивали ломом и топорами, спирт и вина с помощью пожарных помп выкачивали в сточные канавы. Результаты работы оказались весьма впечатляющими: в одном лишь Зимнем дворце было уничтожено напитков на 3 млн. руб.; рабочими Трубочного завода на складе Латипак по 5-й линии Васильевского острова было вылито 5 тыс. ведер виноградных вин, в Волховском переулке на складе Шитта – 10 тыс. ведер¹⁰ и т.д.

Чтобы ликвидируемые запасы вновь не пополнялись, 27 ноября ВРК приказал закрыть и опечатать винные и спиртовые заводы, а также вынес постановление, запрещающее изготовление и продажу спиртных напитков. Виновные в этих преступлениях, как и задержанные в пьяном виде, подлежали военно-революционному суду¹¹. Тогда же был отдан приказ по комендатуре Красной гвардии и полковым комитетам гарнизона о немедленном аресте всех пьяных и участников хищений спиртного. Окончательно справится с погромами удалось лишь после введения 6 декабря в Петрограде осадного положения и применения в борьбе с погромщиками огнестрельного оружия и броневиков¹².

Рецидивы пьяных погромов отмечались еще в конце декабря и конце января 1918 г. и, очевидно, не только в Петрограде – листовки с призывами к трезвости и борьбе с погромщиками распространялись по Москве и многим другим городам страны¹³. Любые формы организованного пьянства карались весьма сурово: на Украине, например, и в ряде других мест «злостное пьянство», особенно в Красной Армии, подлежало «суду военного трибунала, вплоть до высшей меры наказания»¹⁴. И в целом, в первые послереволюционные годы значение борьбы с пьянством, фактор трезвости пролетарского, красногвардейского авангарда оценивались большевиками очень высоко.

С водкой воевали при помощи пулеметов и винтовок, поскольку считали ее оружием, способным уничтожить пролетарское государство. Пьяницы рассматривались как враги народа и революции и должны были нести ответственность по всей строгости революционных законов. Вся страна распевала тогда агитку Д. Бедного:

Аль не видел ты приказов на стене –
о пьяницах и о вине?
Вино выливать велено,
а пьяных – сколько ни будет увидено,
столько и будет расстреляно¹⁵.

В партии среди передовых рабочих существовала своего рода яковинская нетерпимость к проклятому наследию, уличенных в пьянстве коммунистов безжалостно исключали из РКП(б), независимо от заслуг. Трезвость рассматривалась большевиками как общепартийная норма и как одна из ближайших целей революции для всего народа. «Под знаменем воздержания от алкоголя, – писалось в одной из первых советских антиалкогольных брошюр, – народилась и должна укрепляться коммунистическая рабочекрестьянская Россия»¹⁶.

Политика «диктатуры трезвости» закреплялась целым рядом законодательных актов. В мае 1918 г. с целью предотвращения переработки хлеба на самогон был принят декрет ВЦИК «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»¹⁷. Самогонщики объявлялись врагами народа, за подпольное изготовление спиртного предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 10-ти лет, с конфискацией имущества и принудительными работами.

В условиях начавшейся гражданской войны выполне-

ние этого декрета стало нереальным. Тем не менее, на первых порах антиалкогольной политике новой власти благоприятствовала экономическая конъюнктура периода блокады и военного коммунизма: отмирание денежно-налоговой системы, отторжение винодельческих районов, голод и система продразверстки, не оставлявшая излишков хлеба в крестьянском хозяйстве.

Вместе с тем, уже осенью 1918 г. в стране возникла необходимость восстановления спиртовой промышленности, поскольку с утратой нефтяных месторождений Кавказа пришлось заменить нефтепродукты спиртом в качестве жидкого топлива. Запасы же спирта, в огромных количествах захваченные белой армией, расхищавшиеся при эвакуациях или просто уничтоженные в революционном антиалкогольном запале, в октябре 1918 г. по всей республике насчитывали всего 3,5 млн. Ведер (в 40°), тогда как запросы одного только автотранспорта составляли свыше 2 млн. Ведер¹⁸. Выход был найден в национализации и возобновлении работы (где это было возможно) предприятий спиртовой промышленности. К середине 1920 г. было национализировано 953 спиртоводочных завода¹⁹. Спирт производился и отпускался исключительно для технических целей, производство его для питья было запрещено.

19 декабря 1919 г. Совнарком принял постановление «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»²⁰, которое нередко называют «сухим законом»²¹. Однако, как и в случае с правительственными распоряжениями 1914 г., это постановление нельзя расценивать как намерение властей установить в стране «сухой закон» в полном смысле этого слова: оно не запрещало потребление спиртных напитков вообще и всех, а было направлено, главным образом, на сохранение хлеба и борьбу с тайным винокурением. В документе предусматривались весьма строгие меры к тем, кто самовольно производил или употреблял спиртные напитки. За тайное винокурение, приобретение ему, приобретение, хранение, продажу незаконно произведенной алкогольной продукции предусматривалась конфискация спирта, припасов, аппаратов, всего имущества и лишение свободы на срок не менее 5 лет. Не менее года принудительных работ полагалось за распитие незаконно приготовленных напитков и за появление в публичном месте в состоянии опьянения. Получение спирта для технических целей и экспорта должно было производиться на государственных предприятиях, продажа спирта «для питьевого потребления» воспрещалась. Запрет не распространялся на виноградные вина крепостью до 12°.

В августе 1920 г. были объявлены национальной собственностью все находящиеся на территории РСФСР вина, коньячные и водочные изделия²². Порядком распределения и отпуска спиртных напитков, а также упорядочением деятельности спиртоводочных и винных заводов занималось образованное при ВСНХ Центральное управление государственными заводами винокуренной промышленности (Госспирт), работа которого контролировалась правительством.

Как видим, полного запрета на производство и реализацию алкогольной продукции даже в годы «диктатуры трезвости» в Советской России не было²³. Правда, по сравнению с довоенным уровнем масштабы винокуренного производства были мизерными – 2,5 % от довоенного производства в 1920 г., 4,2 % – в 1921²⁴. А среди революционного авангарда продолжали господствовать иллюзии относительно скорой победы над пережитками прошлого. В Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. одной из «ближайших задач» была определена «борьба с социальными

болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т.д.)»²⁵. Октябрьская революция, по мнению большевиков, создала все предпосылки для успешной борьбы с алкоголизмом поскольку «уничтожен дворянско-помещичий класс, интересы которого были связаны с винокуренной промышленностью; открыты пути широкой самостоятельности пролетариата и крестьян» и в целом – «вся советская государственная система является уже сама по себе могучим фактором борьбы с алкоголизмом»²⁶. При этом не только допускался, но и считался весьма важным для пополнения золотовалютных запасов экспорт национализированных вин дореволюционного производства.

С окончанием гражданской войны и введением в стране новой экономической политики, алкогольная ситуация в стране начинала быстро меняться. Второй этап антиалкогольной борьбы в советском государстве длился примерно десять лет (1921-1930) и имел крайне противоречивый характер, как, впрочем, и вся политика того периода. С одной стороны, борьба с алкоголизмом продолжает выдвигаться как крупнейшая и огромной важности задача, а официальное трезвенническое движение приобретает невиданные масштабы (апогей - 1928-1929 гг.). С другой, возобновление производства и продажи алкогольных напитков и введение винной монополии возвращали страну в русло общемирового и отечественного опыта, экономические интересы государства вступали в жесткое противоречие с идеологическими установками большевиков. По сути, инициированное правительством трезвенническое движение призвано было оправдать введение монополии и сгладить противоречия между идеологическими установками и практическими шагами властей. К началу 30-х гг., когда необходимость в оправданиях отпала, трезвенническое движение было ликвидировано. Население же страны, приходя в себя от потрясений революции и гражданской войны, возвращалось в новых условиях к прежним привычкам и традициям, по-своему решая алкогольный вопрос. И в этом плане второй этап, который, перефразируя Сталина, можно назвать периодом перехода к «наименьшему злу», стал золотым веком советского самогонарения.

Последним правовым актом эпохи «диктатуры трезвости» можно считать положение, зафиксированное в Плате ГОЭЛРО (1920 г.): «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как безусловно вредного для здоровья населения»²⁷. Однако к весне 1921 г. страна находилась в разлуке, для восстановления хозяйства и борьбы с надвигающимся голодом необходимы были средства. Споры о выборе способов внутреннего финансирования хозяйственного строительства приобретают все большую остроту и в правительственных кругах разворачивается серьезная борьба вокруг вопроса о государственной торговле алкоголем.

Активным противником возобновления казенной продажи питей был Л.Д. Троцкий. Известны и многочисленные высказывания В.И. Ленина против попыток получения прибылей за счет продажи спиртных напитков. Еще в мае 1921 г. на X партконференции в заключительном слове по докладу о продовольственном налоге он категорически заявлял: «... в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму.»²⁸. Вместе с тем, финансовое положение страны требовало от правительства не пышных фраз, а принятия конкретных решений. Сам Ленин неоднократно в то время пишет о необходимости «скапливать понемногу сбере-

жения, увеличивать налоги»²⁹. В октябре 1922 г. в письме, адресованном И.В. Сталину и членам Политбюро³⁰, он уже вполне определенно высказывается о винной монополии как средстве, обеспечивающем «золотой приток», хотя и упоминает о «серьезнейших моральных соображениях» на этот счет.

Характерна для тех лет дискуссия между журналом «Экономист» и газетой «Правда». В статьях профессора И.Х. Озерова «О регулировании денежного обращения» и «Злой рок нашего бюджета» обосновывалось разрешение проблем денежной инфляции путем продажи государством спиртных напитков: «Чистый доход должен составить 250 млн. руб. золотом, а по курсу на вольном рынке – 100 триллионов советских денег. Моральные соображения должны здесь отпасть...». В сентябре 1922 г. в «Правде» на первой полосе была напечатана гневная отповедь Озерову под громким заголовком «Это не пройдет». «Советская власть, которая существует для народа и его хозяйства..., – писалось в передовице, – не может становиться на этот гибельный путь уже по одному тому, что в погоне за вилами писаными, или даже верными 250 миллионами, народное хозяйство понесет такие убытки, такие разрушения, которые никакими миллиардами не окупятся. Бедствия от открытия в настоящих условиях продажи водки не выявятся полностью на другой же день, но они неисчислимы... Но одно мы можем сказать с уверенностью: что бы ни предпринимали крепостники и биржевики, какие бы мины они ни подкладывали под эту нашу позицию – позицию трезвости, – им ее не взорвать... Прорыва, который повлек бы за собой сдачу такой командной высоты, какой является для нас народная трезвость, вы нам не устроите... Это не пройдет!»³¹.

На самом деле выбор между «экономически выгодно» и «политически верно» в рамках известного ленинского тезиса о взаимоотношении экономики и политики по сути был сделан уже в 1921 г., когда декретом СНК от 9 августа, подписанным Лениным и Н.П. Горбуновым³² была разрешена продажа населению виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин крепостью в 14°. В январе 1922 г. для упорядочения деятельности по государственному производству и сбыту вин декретом ВЦИК образуется Управление государственным виноградарством и виноделием³³ и с этого момента в стране начинается возрождение винодельческой промышленности. В 1922/23 хозяйственном году была проведена и первая пивоваренная государственная компания. Одновременно увеличивались акцизы на технический спирт и пиво для населения³⁴.

В 1922 г. была пробита брешь и в запрете 1919 г. на производство спирта для «питьевых нужд»: постановлением СТО «ввиду исключительных условий работы на горных предприятиях и в целях поднятия интенсивности труда шахтеров» было предписано выдавать горнорабочим определенных категорий спирт по нормам, установленным Наркоматом Здравоохранения³⁵. Это постановление способствовало увеличению производства спирта, а также свидетельствовало об изменении установок по отношению к алкоголю – идею «умеренного» употребления спиртных напитков начинает защищать даже нарком здравоохранения Н.А. Семашко³⁶. В результате только за шесть месяцев 1922 и два месяца 1923 гг. Госспиртом «для питьевых употреблений при тяжелых работах» был выделен 371 751 градус спирта³⁷, то есть 45,7 тыс. л спиртного в перерасчете на абсолютный алкоголь или 114,3 тыс. л сорокоградусной водки. Декрет СНК от 30.01.1923 г. и Постановление ЦИК и СНК от 3.12.1924³⁸, разрешавшие изготовление и продажу наливок и настоек сначала крепостью до 20, а затем до 30°, по сути, окончательно дезавуировали

декабрьский декрет 1919 г., хотя формально его еще никто не отменял.

Таким образом, правительством на вооружение был взят наиболее легкий и доходный объект налогового обложения – производство и потребление алкоголя.

Расширение продажи спиртных напитков было обусловлено и тем, что, во-первых, к этому времени к РСФСР присоединились винодельческие окраины – Крым, Армения, Грузия; и, во-вторых, в условиях разрухи первой могла возродиться не требующая серьезных оборотных средств легкая промышленность, в том числе и пивоваренная.

По мере расширения продажи спиртных напитков росло и потребление их населением. Например, вина, наливок и настоек было продано (в млн. ведер) в 1923 г. – 0,8; в 1924 – 4,1; в 1925 – 20,5; пива: в 1922 – 8,0; 1923 – 17,2; 1924 – 20,6; 1925 – 31,0³⁹. Однако потребителей тех лет не могли, конечно, удовлетворить только дорогие, да для многих и непривычные спиртные изделия. Главным народным напитком в начале 1920-х гг. становится самогон.

Экономической базой для широкого самогонварения после окончания гражданской войны стали замена продналогом и существовавший в то время так называемый феномен «ножниц цен»: ввиду большой разницы в цене на промышленные и сельскохозяйственные товары, крестьянам излишки хлеба выгоднее было не продавать на рынке, а перегонять на самогон. Крепость «народного напитка» колебалась от 15 до 60°, а при повторной перегонке достигала 80°, при чем с годами тенденция к изготовлению «крепкого» самогона, особенно для личного употребления, усиливалась⁴⁰. Помимо удовлетворения собственных нужд, самогон являлся выгодным товаром для продажи, а также использовался в качестве эквивалента при торговых расчетах, деловых сделках и т.п.

До 1922 г. милиция, на которую были возложены функции борьбы с контрреволюцией и бандитизмом, практически не контролировала исполнение декрета 1919 г. С переходом к НЭПу репрессии против самогонщиков попытались усилить. Из центра на места шли распоряжения о «проведении антисамогонной кампании в ударном порядке» с организацией массовых облав для обнаружения и разрушения «гнезд винокурения». Судебным органам было дано указание ускорить рассмотрение дел самогонщиков⁴¹. Объявлялись специальные «двухнедельники и четырехнедельники по борьбе с самогонщиной», приуроченные к рождественским и пасхальным праздникам.

Чтобы стимулировать усердие сотрудников милиции 20 декабря 1922 г. было принято постановление СНК РСФСР, согласно которому в их пользу отчислялась в качестве «открывательского вознаграждения» половина штрафа взысканного с самогонщика⁴². Во многих местах пытались шире привлечь население к выявлению нарушителей закона. В 1923 г., например, в одной из волостей Енисейской губернии действовало следующее постановление: «Если кто-либо из граждан поймает в своем селе пьяного, то за его счет получает 5 пудов хлеба в награду; если поймает с аппаратом – 10 пудов; если же в данном селе поймает самогонщика гражданин другого села, то ему данное село коллективно выплачивает награду в размере 50 пудов»⁴³.

Результаты не заставили себя ждать: если в 1922 г. было обнаружено 94 тыс. случаев самогонварения и отобрано 22 тыс. самогонных аппаратов, то в 1924 г. эти цифры возросли втрое – 275 тыс. раскрытых случаев самогонварения и 73 тыс. конфискованных аппаратов⁴⁴. Однако для огромной страны это была капля в море. Только по официальным данным, производством

самогона занималось тогда до 8-10% крестьянских дворов. В 1923 г. сельское население страны (без Дальнего Востока и Закавказья) потребило 24,3 млн. ведер (298,9 млн. л) самогона примерной крепостью в 25°. На его производство было израсходовано продуктов (в переводе на зерно) около 808 тыс. т, в то время как заводская выкурка того же количества хлебного вина потребовала бы лишь 120 тыс. т⁴⁵.

На самом деле в целом ряде регионов самогонварением занималось до трети всех крестьянских хозяйств. В Иркутской губернии, например, в 1922-23 гг. самогон гнали 36,6% домохозяев, из них 35% – для себя, 62% – для себя и на продажу, остальные – только на продажу⁴⁶. По данным органов безопасности, даже в самых бедных губерниях Европейской России выгонка самогона составляла один из важнейших видов крестьянских промыслов. Так в Псковской губернии в 1923-24 хозяйственном году самогонварением занималось до 35 % населения, количество перегнанного на самогон хлеба составило до полумиллиона пудов. Прибыль от этого вида деятельности была весьма высокой: себестоимость ведра самогона в деревне составляла 2-3 руб., а продавался он по 10-15 руб.⁴⁷. Заметную роль в изготовлении «народного напитка» играли женщины.

Очень скоро стало понятно, что государство проигрывает в этой неравной борьбе и несет существенные финансовые потери, загнав винокурение и торговлю алкоголем в подполье. Да и о последовательном осуществлении мер, предписанных декретом 1919 г. и Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. в отношении самогонщиков, говорить не приходится. В 1922 г. в республике было возбуждено более 500 тыс. уголовных дел о самогонварении⁴⁸. Однако суды в определении меры наказания исходили, как правило, из классовых позиций и, учитывая «культурную отсталость» правонарушителей, назначали сравнительно небольшие сроки или штрафы и предупреждения⁴⁹. Суровые законы военного времени канули в Лету, а Россия возвращалась к своим традиционным представлениям о месте и роли спиртных напитков в жизни общества.

Вместе с тем, советская власть породила к жизни и целый ряд новых стимулов к расширению бытового пьянства среди населения. Начиная с 1923 г. в документах органов безопасности, подготавливаемых для высшего руководства страны, появляется все больше материалов о растущем в стране пьянстве и сопровождавших его случаях хулиганства, разбоев и т.д. В Обзорах политико-экономического состояния СССР за 1923-24 гг. неоднократно отмечалось, что в целом ряде мест крестьяне, несмотря на нехватку хлеба, пьют порой даже больше, чем в довоенное время. Особенностью новой деревни было и то, что повсеместно наблюдалось «поголовное пьянство среди членов волисполкомов, сельских милиционеров, деревенских коммунистов и других представителей местной власти». Государство платило своим служащим мизерную зарплату, которую задерживало месяцами, и очень часто сельсоветы, а порой и работники ВИКов сами занимались самогонварением для получения средств. Во многих местах «ввиду материальной необеспеченности» самогонщикам содействовала милиция⁵⁰. Крестьяне не охотно шли на советскую работу не позволявшую прокормить семью и зачастую местные органы власти формировались просто из маргинальных слоев населения. Как следствие – регулярно фиксирувавшиеся надзирающими органами случаи злоупотребления властью, произвола и просто элементарного хулиганства. Вот например, что писалось в отчете ОГПУ за ноябрь 1924 г.: «Пьянство низового соваппарата отмечается по всем районам Союза. В Центральном районе в одном селе председатель и

секретарь сельсовета пьянствуют ежедневно, в другом – местные власти достают самогон бесплатно, покрывая самогонщиков... В Рязанской губ. в некоторых селах крестьяне требовали переизбрания Советов, чтобы избавиться от пьяниц и взяточников. В Верхне-Сосинской вол. Орловской губ. крестьяне по поводу выборов в Советы говорили: «Горькие пьяницы выбирают друг друга». В этой губернии предсельсовета в пьяном виде потерял портфель и наган. Пьянство совработников отмечается также в Тульской, Московской и других районах. В Северо-Западном районе пьянство и дебоши со стороны членов сельсоветов и ВИКов – бытовое явление. В Кипено-Ропшинской вол. Ленинградской губ. предвика принимает посетителей в пивной. В Карелии в Петрозаводском уезде. в одной из волостей отмечен случай, когда предВИКА в пьяном виде, увидев у одного крестьянина портрет Ленина, с площадной бранью стал топтать его ногами. На Украине в Донецкой губ. предсельсовета, напившись, заставлял крестьян возить его на тачке по селу...»⁵¹.

Документы свидетельствуют также о том, что с воцарением мира чрезвычайно широко распространяется пьянство в Красной Армии, особенно среди командного состава⁵². Практически во всех военных округах регулярно фиксировались случаи пьяных разгулов и дебоширства офицеров «вплоть до уличной стрельбы». На попойки тратились громадные казенные суммы, массовое пьянство в пограничных частях вело к росту контрабанды и шпионажа.

Не менее впечатляющие изменения происходили и в рабочей среде. Если в документах ОГПУ 1922-24 гг. о пьянстве рабочих упоминается еще достаточно редко⁵³, то накануне введения водочной монополии ситуация была уже совершенно иная. В справке Информационного отдела ЦК РКП(б), направленной Сталину в августе 1925 г. говорилось о том, что «пьянство среди рабочих масс имеет широкое распространение и за последнее время значительно усиливается, принимая массовый и прогрессивный характер»⁵⁴. Связывалось это с тем, что в рабочих районах с 1923 г. усиленно развивалась сеть винной и пивной торговли, кооперативы торговали спиртными напитками даже в кредит, а серьезной борьбы с пьянством почти нигде не велось.

Большей частью рабочие пили в дни получек, а также во время праздников и дней отдыха. Поводов для веселья хватало: выходными днями по-прежнему оставались все крупные религиозные праздники, активно стали отмечать и новые, революционные – 1 мая, 7 ноября и т.д. Возрождались и подзабытые в военное время традиции «первой полочки», «обмывания», «впрыскивания», походов в гости и пр. При этом, в отличие от периода «диктатуры трезвости», пьянство было уже не слишком осуждаемым в пролетарской среде явлением. Лишь среди наиболее сознательной части рабочих отношение к нему, точнее к «тем формам и размерам, которое оно принимало»⁵⁵, оставалось резко отрицательным. Права, полученные простыми трудящимися в результате победы пролетарской революции, о которых так часто твердили людям большевики, понимались в народе предельно просто – они, наконец, имеют право жить так, как считают нужным, как привыкли и с их ценностями должными считаться, даже если они не совпадают с официальными доктринами⁵⁶. Более того, выпивка становится порой неизменным атрибутом «культурно-массовой работы», которую проводили среди рабочих профсоюзные и партийные органы. Например, в Донбассе, на Красномайском заводе при клубе им. Калинина профсоюзами было устроено рабочее гуляние, сбор от которого должен был поступить в пользу «юных ленинцев». Плата за вход была установлена по 3 руб.,

причем купившему билет, в качестве премии выдавалась бутылка русской горькой и закуска. В результате этого гулянья в буфете клуба «в кредит» перепились не только заводские, но и рабочие соседней шахты. Пили все и старики, и дети, и начальство, и подчиненные, беспартийные и партийные; женщины напивались до бесчувствия. Эта оргия продолжалась два дня, после чего пьяных развезли на казенных лошадях по домам, а буйных завозили в милицию⁵⁷.

Новые традиции мирно соседствовали со старыми, веками укоренившимися обычаями. В пасхальные праздники 1925 г. повальное пьянство среди рабочих по всей стране сопровождалось драками и поножовщиной с десятками убитых и сотнями раненных⁵⁸. Вновь женщинам приходилось караулить мужей у проходной в дни полочки, вновь растет число пьяных прогулов. В Ленинграде, например, после праздничных загулов на некоторые заводы не являлись по несколько сот рабочих⁵⁹. Появились и приметы нового времени: пить начинают даже на рабочем месте, что вело к росту травматизма, порче материалов, поломке оборудования.

В этих условиях, зная о ситуации в стране, правительство тем не менее делает решительный поворот в своей алкогольной политике. Концепция «наименьшего зла» начала реализовываться уже в 1924/25 хозяйственном году. В октябре 1924 г. пленум ЦК принял решение о введении водочной монополии. По свидетельству Сталина, далеко не все члены пленума были согласны с этим решением и лишь апелляция к авторитету Ленина помогла сломить их сопротивление⁶⁰. 28 августа 1925 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими», которое вступало в силу с 1 октября 1925 г. на всей территории страны за исключением Закавказской СФСР⁶¹. Согласно этому положению устанавливалась государственная монополия на производство и продажу крепких спиртных напитков. В продажу выпускалась 40° водка, коньяки и ликеры крепостью до 60°; торговля водкой, водочными изделиями и коньяком разрешалась как государственным и кооперативным, так и частным торговым заведениям. Производство спирта для изготовления спиртных напитков так же могло осуществляться государственными, кооперативными и частными предприятиями, однако весь произведенный питьевой спирт подлежал сдаче учрежденному при ВСНХ Центральному правлению государственной спиртовой монополии (Центроспирту). Изготовление водки из этого спирта составляло исключительное право государства, но могло производиться по контракту на государственных, кооперативных и частных водочных заводах⁶². Таким образом, в СССР была осуществлена реформа по сути аналогичная той, что проводилась царским правительством России при С.Ю. Витте, правда Сталину для этого понадобился 1 месяц, а не 10 лет.

Одновременно, для оправдания действий правительства, Агитпроп ЦК ВКП(б) опубликовал тезисы⁶³, в которых выпуск в продажу 40° водки объяснялся необходимостью борьбы с самогонварением, достигшим угрожающих размеров и продолжающим распространяться «на все более и более широкие слои населения». Народ убеждали, что правительство вводит водочную монополию на небольшой срок как меру вынужденную, необходимую для экономического подъема страны, не упуская при этом из виду «того вреда, который сопряжен с распространением водки для культурного и экономического роста страны».

Действительно, самым популярным аргументом в пользу водочной монополии в 1924-25 гг. был тезис о необходимости борьбы с самогонварением. Тогдаш-

ний председатель Совнаркома А.И. Рыков, например, прямо говорил, что к выпуску крепких спиртных напитков, в том числе и «русской горькой» – 20-ти и 30-градусной водки, прозванной в народе «рыковкой» – правительство побудило «не столько доходные соображения, сколько невозможность... победить самогонщика». «Выпуск водки, – заявлял он, – является одним из способов борьбы с самогоном. Пока мы не можем искоренить всякое потребление водки – лучше давать ее от государства»⁶⁴.

Однако введение водочной монополии привело лишь к временному снижению самогонварения. Сначала водка продавалась по сравнительно низкой цене – 1 руб. за 0,5 л, торговля пошла бойко и через 2 месяца, с 1 декабря 1925 г. цена была поднята в 1,5 раза⁶⁵. Эта мера снова толкнула деревенского потребителя к самогону и в июле 1926 г. цены на водку были снижены, что усилило «городское» пьянство и не улучшило ситуацию на селе. Большинство населения страны продолжало пить в основном самогон, а не государственную водку, поскольку значительная часть крестьян просто не имела наличных денег, да и многие рабочие предпочитали товар подешевле: средняя зарплата рабочего была 80 р. в месяц, пол-литровая бутылка водки стоила 1руб.10 коп., самогонщики же продавали свою продукцию примерно по 40 коп. за бутылку⁶⁶.

Росту самогонварения способствовало и крайне противоречивое законодательство на этот счет. Новый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1926 г., по сути, отменил ст. 140-г УК РСФСР 1922 г. и производство самогона для личных целей теперь не признавалось общественно-опасным явлением. Статья 102 УК РСФСР 1926 г. предусматривала уголовную ответственность в виде лишения свободы или принудительных работ сроком до 1 года только в отношении лиц, изготавливающих и хранящих самогон и самогонные аппараты с целью сбыта, а равно торгующих ими в виде промысла. Делалось существенное послабление для граждан, изготавливающих самогон на продажу «вследствие нужды, безработицы или по малосознательности»; для них предусматривались лишь принудительные работы на срок до трех месяцев⁶⁷. Правда, 27 декабря 1927 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР, полностью запретившее самогонварение, хотя бы и без цели сбыта, и внесены соответствующие изменения в 102 и 103 статьи УК РСФСР⁶⁸. Наказания за изготовление самогона для собственного употребления определялись в виде штрафа до 100 руб. или принудительных работ сроком до месяца, но эти меры по сути на практике не применялись.

Уже полгода спустя, циркуляром НКВД от 23 июня 1928 г. было уточнено, что борьба с самогонварением не распространяется на случаи изготовления, хранения и сбыта «домашних национальных напитков: браги, пива, бузы, арьи и араки». При этом разъяснялось, что «домашние напитки готовятся большинством населения, преимущественно из среды трудящихся, почему установление каких-либо мер, направленных к запрещению изготовления этих напитков, повлечет за собой помимо недовольства населения, необходимость производства массовых обывков и тем самым в значительной степени отвлечет милицию от непосредственной работы по борьбе с видами преступности, наиболее затрагивающими интересы широких кругов населения (кража, конокрадство, хулиганство и т.д.)»⁶⁹. Еще через полгода НКВД сделал уточнение, что не наказываются изготовление домашнего пива и браги только лишь для личного потребления и при крепости не выше 14°. Сбыт тоже допускается, но лишь по случаю, а не в виде промысла. Что касается националь-

ных спиртных напитков типа бузы, араки и др., никаких ограничений не устанавливалось, вплоть до торговли с целью дохода⁷⁰. Была отменена и система премирования сотрудников милиции за раскрытие незаконного приготовления, хранения и сбыта спиртных напитков и спиртосодержащих веществ⁷¹.

В результате, по данным ЦСУ в 1928 г. 34,6% всех крестьянских хозяйств гнали самогон для себя со средней выгонкой 59 литров в год, 6,5% хозяйств производили его на продажу. Общие размеры производства самогона на территории РСФСР превышали тогда 615 млн. литров, на выгонку которого ушло свыше 1384,1 млн. кг различных пищевых продуктов (муки, зерна, картофеля, сахара и пр.). Количество «пьющих» хозяйств по России достигало 84%, максимальное душевое потребление приходилось на районы так называемой «производящей полосы». Так, в Пензенской губернии душевое потребление 40° напитков составляло 12,7 л, Центрально-Черноземном районе и Вятской губернии - 11,3 л, в Сибири - 10 л. Лишь в немногих местах (Карелия, Астраханская, Архангельская и Московская губернии) самогон составлял ничтожную часть в структуре потребления алкогольных напитков. Соотношение цен оставалось прежним: в 1927 г. пол-литровая бутылка водки в магазине стоила 1 руб. 08 коп., шинкари продавали ее по 1 руб. 50 коп. – 1 руб. 75 коп., сорокаградусный самогон стоил от 70 коп. до рубля, а меньшей крепости – в среднем 50 коп. В целом по РСФСР душевое потребление алкоголя в деревне в перерасчете на 40° водку к 1928 г. достигло 7,5 л (3 л абсолютного алкоголя), при этом собственная государственная водка составляла лишь одну четверть выпитых на селе крепких напитков⁷². Таким образом, благодаря самогону, уровень потребления алкоголя сельским населением советской России в 1928 г. превысил довоенный почти на 25 %, тогда как городское потребление лишь приближалось к 75 % рубежу от нормы 1913 г.⁷³.

Самогонный аргумент не мог долго оправдывать алкогольную политику правительства. Нужны были более веские доводы, тем более, что, как отмечал в 1925 г. заведующий агитпропом ЦК А.И. Сырцов, «в рабочих кругах пошли разговоры, что Советская власть встала на путь царского правительства»⁷⁴. Вторым и главным аргументом в пользу введения винной монополии стала дилемма, сформулированная Сталиным – либо капиталистическая кабала, либо водка. Осенью 1927 г. в печати был опубликован текст его беседы с иностранными рабочими делегациями. В ответ на вопрос о том, как увязать водочную монополию и борьбу с пьянством, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) заявил: «Партия знает об этом противоречии, и она пошла на это сознательно, зная, что в данный момент допущение такого противоречия является наименьшим злом».

По словам Сталина, торговля спиртными напитками – необходимое средство извлечения оборотных средств «для развития нашей индустрии своими собственными силами»; водочная монополия вводилась как временная мера и будет уничтожена «как только найдутся в нашем хозяйстве новые источники для новых доходов»⁷⁵. Спустя месяц, в декабре 1927 г. на XV съезде партии, принявшем директивы по составлению первого пятилетнего плана, Сталин, как бы подтверждая выше заявленное, предложил: «Я думаю, что можно было бы начать постепенное свертывание выпуска водки, вводя в дело вместо водки такие источники дохода, как радио и кино»⁷⁶. Конечно же говорить о кино как о серьезном источнике дохода в стране, где в тот период было всего

7 тыс. киноустановок⁷⁷ можно было только в агитационном запале, но фраза эта многих ввела в заблуждение.

Вопреки заверениям правительства, с отменой запрета на продажу крепких спиртных напитков государственная промышленность, вырабатывающая этиловый спирт, начала бурно развиваться. Только за два хозяйственных года после введения водочной монополии число винокуренных заводов в стране увеличилось более чем в 3 раза⁷⁸. Все большая часть вырабатываемого спирта шла на производство ликеро-водочных изделий и крепленых вин. С 1927 г. Центральное Управление государственной спиртовой монополии ВСНХ СССР (Центроспирт), после передачи ему всех бывших казенных винных складов и ректификационных заводов⁷⁹, становится крупнейшим монополистом в сфере производства и продажи ликеро-водочной продукции.

Торговля алкоголем, даже несмотря на верность деревни самогону, действительно сразу же становится важным финансовым источником осуществления форсированной индустриализации. Впрочем, власти старались не раскрывать истинные цифры алкогольных поступлений в бюджет. По официальным данным в 1926-27 хозяйственном году поступления от продажи спиртных напитков составили 180 миллионов рублей. Однако осенью 1927 г. Сталин называет другую, значительно большую цифру – более 500 миллионов. В 1927-28 г. официальная статистика говорит о спиртовом доходе в 270 млн. руб., а по подсчетам экономистов Общества борьбы с алкоголизмом он составил 728 млн. руб.⁸⁰. Цифра представляется вполне реальной, если иметь в виду, что в соответствии с первым пятилетним планом в бюджет от продажи спиртных напитков должно было поступать около 900 млн. руб. в год.

В результате всего лишь за 5 лет государственные доходы от спиртных напитков возросли в 6 раз и составили 12% всей доходной части бюджета (см. табл. 1).

Таблица 1

Рост доходов от продажи спиртных напитков в 1923-1928 гг.⁸¹.

Годы	Выпуск водки и водочных изделий (млн. л)	Выпуск пива (млн. л)	Доход от продажи водки, водочных изделий и пива (млн. руб.)	Доход от продажи спиртных напитков ко всему бюджету (%)
1923/24	11,3	211,6	47,0	2,0
1924/25	66,4	246,0	154,9	5,3
1925/26	258,3	246,0	340,7	8,4
1926/27	381,3	—	545,4	10,9
1927/28	550,0	—	728,8	12,0

Столь же стремительно росло потребление спиртных напитков населением. Если в 1925 г. среднечеловеческое потребление в стране составляло примерно 0,88 литра абсолютного алкоголя⁸², то в 1928 г. по РСФСР оно возросло до 3,5 л, превысив даже показатели 1913 г. (3,4 л на сопоставимой территории). Городское население потребляло спиртных напитков почти в два раза больше, чем сельское. При этом в структуре потребления 53,7% приходилось на самогон, 39,1% – на казенную водку, остальное – на пиво и вино⁸³. Но государство не оставалось в накладе. В 1927/28 хозяйственном году население страны истратило на водку 963 млн. руб., на пиво – 170 млн., на виноградные вина, коньяк и водочные изделия – 130 млн.⁸⁴. Около трети доходов го-

сударства от продажи спиртных напитков приходилось на пролетариат и почти 40 % – на основную массу крестьянства, т.е. середняков и бедняков⁸⁵. Если с 1925 по 1927 г. бюджет рабочих семей увеличился на 19%, то расход на алкоголь вырос на 40%, а расход на культурные потребности снизился на 12%⁸⁶. Публикуя эти цифры, председатель Всесоюзного совета противоалкогольных обществ Ю. Ларин делал неутешительные выводы: городские рабочие пьют втрое больше городских служащих, сельские служащие – в 4 раза больше середняков. И в целом, «больше заражены водкой, пивом и вином как раз те слои советских классов, на каких лежат более ответственные задачи. В городе – это основная опора социализма, рабочие. В деревне – служащие совхозов, кооперативов, сельских советов и т.п., то есть работники предприятий – проводники социалистического хозяйства. Наш обобщественный сектор (государственное хозяйство) более страдает от пьянки, чем частное хозяйство»⁸⁷.

Последствия увеличения потребления алкоголя не заставили себя ждать. Уже через полтора месяца после вступления в силу водочной монополии, 17 декабря 1925 г., всем краевым, областным и губернским прокурорам и начальникам административных отделов был разослан специальный циркуляр наркоматов внутренних дел и юстиции «О борьбе с пьянством и хулиганством», необходимость которого была вызвана «чрезвычайным развитием уличного хулиганства и бесчинства лиц, появляющихся в пьяном виде на улицах и иных общественных местах»⁸⁸. О происходивших переменах свидетельствуют цифры, опубликованные сотрудником Института социальной гигиены Э.И. Дейчманом, занимавшимся изучением социальных причин алкоголизма и влиянием его последствий на экономику.

Уже в 1926 г. число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, возросло по сравнению с предыдущим годом в городах на 270%, в селах – на 330%. Вновь быстро растет количество «пьяных арестов», особенно в больших городах. Например, на улицах Ленинграда в 1923 г. были задержаны в пьяном виде 2 тыс. человек, в 1924 - 11 тыс., 1925 - 33 тыс., 1926 - 95 тыс., 1927 - 113 тыс. За четыре года рост почти в 57 раз! В результате в Ленинграде в 1927 г. 1 задержанный пьяный приходился на 15 жителей всех возрастов или это был каждый четвертый взрослый мужчина. (Напомним, что в начале века в Петербурге один задержанный (в год) приходился на 25 жителей. - И.Т.). В Москве задерживалось ежегодно более 100 тыс. пьяных и это вполне объяснимо: в 1927 г. в столице на 10 тыс. жителей приходилось 0,13 театров, 0,22 кинотеатра, 0,36 библиотек, 0,81 клубов, 1,58 школ, 1,64 церквей и 4,5 точки продажи спиртных напитков. На алкоголь в столице расходовалось тогда 12,7% семейного бюджета, рабочие проводили 8 час. в месяц в клубе и 32 час. в пивной. В целом по стране число задержанных в нетрезвом состоянии городских жителей доходило ориентировочно до двух миллионов в год, при этом число пьяных на улицах было по крайней мере в 2-3 раза больше числа задержанных. Свыше 80% задержанных в пьяном виде составляли рабочие, от 5 до 10% – члены партии и комсомольцы, 8-10% – женщины⁸⁹.

Вновь начинает расти и число больных алкогольными психозами, резко сократившееся в период мировой войны. В 1913 г. доля больных на почве алкоголизма по отношению ко всем поступившим в психиатрические клиники составляла 19,7%. В 1915-1920 гг. психические заболевания на почве пьянства встречаются в единичных случаях, однако с 1922 г. начинается их быстрый рост: 1923 г. – 2,4%, 1924 – 5,5%, 1925 – 7,2%, 1926 – 9,4%⁹⁰. Экономический ущерб от пьянства подщи-

тать сложнее, тем не менее, по оценкам Дейчмана⁹¹, в 1927/28 хозяйственном году при доходе от реализации спиртных напитков в 728 млн. руб. государство от прогулов, снижения производительности труда и других последствий пьянства понесло убытков на 1270 млн.

И в целом, исследования социально-гигиенического характера, проведенные учеными во второй половине 1920-х гг., дают довольно широкую картину изменений происходивших в советском обществе после 1925 г. Главный вывод исследователей заключался в том, что пьянство повсеместно «принимает небывалые размеры», за рекордно короткий срок – 3 года – достигнут довоенный уровень потребления спиртных напитков и он растет «из года в год». Ученые отмечали также, что формы, причины пьянства и питейные традиции повсюду – и в городе, и на селе – несут на себе черты старого довоенного алкоголизма, однако размах приобретает несоизмеримые масштабы. На селе традиционно 50% всего потребляемого алкоголя приходилось на бытовое пьянство – пьянство в широком масштабе, происходившее в силу веками установившихся обычаев (на свадьбах, похоронах, крестинах и пр. праздниках). Еще 25% выпивки составляли так называемые «магарычи» – попойки при различных сделках и на сельских сходах. Среди городских рабочих так же продолжали соблюдаться питейные традиции, но менялись они быстрее, чем на селе. Так, в Ленинграде основная масса рабочих – 56% – пила по праздникам и во время получек. Но очень большая часть – 38,5% – выпивала независимо от этих моментов, при чем 12,5% – ежедневно. Интересно, что данные в отношении алкоголизма среди рабочих различных регионов и отраслей промышленности не слишком разнятся, особенно в Европейской части РСФСР, будь то огромный Ленинград или, скажем, провинциальный Луганск. В обоих городах, например, расходы на алкоголь в среднем составляли св. 8% от заработной платы. Повсеместно в промышленности доля пьющих рабочих в среднем равнялась 90% и, судя по материалам Москвы, Ленинграда, некоторых других крупных городов, число запойных алкоголиков, нуждающихся в лечении, могло достигать до 10% от всех взрослых мужчин-рабочих, то есть составлять примерно 700 тыс. человек. Больше всего ученых волновало то, что пьянство ежедневное, хроническое, растет быстрее, чем пьянка по случаю (праздник, получка), и население считает это вполне допустимым⁹².

Еще в предреволюционные годы специалисты по борьбе с алкоголизмом хорошо изучившие быт русского народа настаивали на необходимости принятия долговременной научно обоснованной государственной антиалкогольной программы. При этом предпочтение должно было отдаваться мерам профилактического, культурного, воспитательного и образовательного характера, мерам по разумному ограничению потребления алкоголя. Ориентация на запреты и жесткие ограничения не только не обеспечивает устойчивого успеха в борьбе с пьянством, но и, как правило, порождает дополнительные трудности, усложняет решение проблемы.

В принципе, в этом же направлении предполагалось строить и советскую антиалкогольную политику на новом этапе. «Повышение культурного уровня населения города и деревни», так же как «энергичная борьба за решительное переустройство быта, борьба за культуру, против пьянства» были объявлены на XV съезде партии (1927 г.) одним из условий индустриализации страны⁹³. Работу намечалось вести по трем линиям: сокращение производства и продажи спиртных напитков, активизация лечебно-предупредительных мероприятий, улучшение культурно-просветительской работы.

На самом деле все в конечном итоге свелось даже не к лечебно-предупредительным а к лечебно-принудительным мерам.

В целях сокращения потребления алкоголя населением 4 марта 1927 г. Совнарком РСФСР издает постановление «О мерах ограничения продажи спиртных напитков»⁹⁴. Этим постановлением была запрещена продажа спиртных напитков малолетним и лицам, находящимся в состоянии опьянения, торговля алкоголем в культурно-просветительских учреждениях и организациях, а главное – вводилось право местного запрета на водку.

Последствия не замедлили сказаться. По всей стране местные власти, обеспокоенные размахом пьянства рабочих и срывами производственных планов, начинают вводить запреты на торговлю крепкими напитками. В целом ряде районов Архангельской губернии, республики Коми, Якутии, Бурятии, Сибири и Дальнего Востока право на местные запреты ввоза и продажи спиртных напитков было подкреплено специальным правительственным постановлением⁹⁵. В Якутии и на Камчатке, например, торговля алкоголем запрещалась практически повсеместно, за исключением районов приисков. В результате, наряду с увеличением самогонварения, у властей появляется новая головная боль – бурный рост шинкарства в городах, то есть тайной продажи спиртных напитков, главным образом казенной водки. По данным НКВД РСФСР, к концу 1928 г. число выявленных случаев шинкарства возросло по сравнению с 1926 г. в 3 раза⁹⁶.

Более успешно шла работа по линии «активизации лечебно-предупредительных мероприятий». Уже в сентябре 1926 г. СНК РСФСР принял постановление «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительской работы по борьбе с алкоголизмом»⁹⁷. Наркомату здравоохранения предлагалось усилить изучение вопросов профилактики и лечения алкоголиков через сеть нервно-психиатрических учреждений. Трех наркоматам (здравоохранения, юстиции и внутренних дел) было предложено разработать меры принудительного лечения, а Наркомздраву и Наркомпросу при участии ВЦСПС – меры по усилению просветительской деятельности. В частности, для усиления антиалкогольной пропаганды предлагалось ввести в программу школ всех ступеней сведения о вреде алкоголя, выпустить антиалкогольную литературу и развернуть соответствующую пропаганду в избах-читальнях, клубах, красных уголках, а также во всех средствах массовой информации. Организовывать и координировать эту работу должны были специальные Комиссии по вопросам алкоголизма, создаваемые при исполкомах всех местных советов⁹⁸.

Инструкция, разработанная комиссариатами юстиции, здравоохранения и внутренних дел, «По применению принудительного лечения алкоголиков, представляющих социальную опасность»⁹⁹ вступила в силу весной 1927 г. Такому лечению подлежали лица, «обнаруживающие на почве алкоголизма явления психического расстройства; злоупотребляющие алкоголем и систематически нарушающие порядок, препятствующие работе и угрожающие безопасности семьи и окружающих; в состоянии острого опьянения или хронического пьянства расточающие или разрушающие имущество». Принудительное лечение должно было осуществляться в амбулаторных или стационарных учреждениях системы здравоохранения. В отличие от более поздних правил, назначение принудительного лечения можно было опротестовать. В Москве к середине 1929 г. было открыто уже около тридцати специальных противоалкогольных диспансеров¹⁰⁰. Сеть наркодиспансеров быстро росла по всей стране, и за небольшой промежуток

времени в полтора года в них побывало около 20 тыс. алкоголиков¹⁰¹.

14 ноября 1931 г. в Ленинграде на ул. Марата (дом № 79) был открыт первый в стране медицинский вытрезвитель, в задачи которого входили кратковременная изоляция людей, задержанных в нетрезвом виде, и оказание им медицинской помощи «с целью скорейшего вытрезвления». При этом долго дебатировался вопрос, что делать с отобранными у пьяных спиртными напитками. Решение оказалось весьма гуманным: в марте 1932 г. был принят специальный циркуляр Главного управления милиции при СНК РСФСР, в котором говорилось, что «указанные спиртные напитки подлежат возврату их владельцам по вытрезвлении»¹⁰².

Параллельно с административными, медицинскими и уголовно-правовыми мерами с 1928 г. резко активизировалось и трезвенническое движение. В литературе можно встретить мнение о том, что импульсы борьбы за трезвый быт в 1920-е гг. шли снизу, и создание Всесоюзной организации стало результатом широкого движения народных масс¹⁰³. Это не так. Как и в царской России, самыми активными инициаторами антиалкогольных кампаний были медики. Еще в 1924 г., по инициативе врачей, в разных районах страны стали создаваться на общественных началах «группы по борьбе с наркотизмом», которые затем выросли в общественные Комиссии по оздоровлению труда и быта (КОТИБы). Члены этих комиссий, получившие название «наркодружинников», организовывали «показательные суды» над алкоголиками, противоалкогольные вечера, с обязательным докладом в программе и «живой газетой» местного коллектива самодельности. В 1925 г. по инициативе Мосздравотдела в Москве начал выходить журнал «За новый быт», в задачи которого входило привлечение внимания общественности, в частности, и к алкогольной проблеме. На протяжении двух лет журнал печатал материалы на эту тему под броскими заголовками: «Сорок градусов и рабочие», «На противоалкогольном фронте», «На борьбу с дурманом», «За трезвый быт»¹⁰⁴. Однако собственно «государственным делом» трезвенническое движение становится лишь после XV съезда ВКП(б).

16 февраля 1928 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов на собрании «энтузиастов противоалкогольной борьбы» было создано Общество по борьбе с алкоголизмом (ОБСА). Учредителями его стали советские, партийные, комсомольские работники, представители Наркомздраву, Мосздравотдела, Наркомторга, ученые и др. (например, среди учредителей были такие известные в стране люди как Н. Подвойский, М. Буденный, Д. Бедный, Вс. Иванов, В. Маяковский). Целью общества была «помощь Советской власти в развитии культуры быта и борьбе с алкоголизмом как социальным злом». За первый год его существования было создано более 150 местных (губернских, окружных) антиалкогольных обществ; центральным, координирующим их деятельность органом стал в 1928 г. Всесоюзный Совет противоалкогольных обществ (ВСПО) СССР, в который вошли представители ЦК ВКП(б), ЦК комсомола, ВЦСПС, союзных республик, наркоматов здравоохранения, просвещения, труда, народного хозяйства и т.д. Председателем совета был избран экономист Ю. Ларин, видный в прошлом участник революционного движения, секретарем – активист антиалкогольной борьбы с дореволюционным стажем врач Э.И. Дейчман¹⁰⁵. Основными направлениями деятельности общества были: мероприятия по ограничению производства и торговли спиртными напитками, борьба с самогонварением и шинкарством, культурно-бытовое отвлечение населения от пьянства, медицинская помощь страдающим

алкоголизмом. В июне 1928 г. вышел в свет первый номер всесоюзного журнала «Трезвость и культура»¹⁰⁶. В издании публиковались официальные материалы о жизни общества, сообщения с мест, агитационные, пропагандистские материалы, объявления и т.п.

Усилиями ОБСА по всей стране разворачивается широкая антиалкогольная кампания, проходившая шумно, но недолго. Формы антиалкогольной работы были самые разные. Только с августа 1928 по январь 1929 г. местными противоалкогольными обществами в 103 городах были организованы демонстрации трудящихся против пьянства и алкоголизма, в 58 – рабочие конференции по борьбе с алкоголизмом, в 5 – начато преподавание антиалкогольных курсов в школе, в 116 – приняты постановления местных органов власти об ограничении времени и мест торговли спиртными напитками¹⁰⁷.

За 1928–29 гг. было организовано и около 200 детских демонстраций против пьянства и алкоголизма взрослых. В городах и поселках страны колонны детей несли лозунги «Вылить всю водку!», «Требуем трезвых родителей!», «Папа, не ходи в монополюку, носи деньги в семью!» и даже «Расстреливать пьяниц!». В Иркутске в таком шествии участвовало 15 тыс. детей. Развивалась практика созыва антиалкогольных конференций, таких как «пьющие девушки» (впервые проведена в Выборгском р-не Ленинграда), «пьющая молодежь», «пьющие слесари», «пьющие сезонники» и т.п. Через печать бросившие пить посылали «вызовы» своим пьющим приятелям, заключались «социалистические договоры за трезвость», пари на сроки воздержания от алкоголя и т.п. Например, рабочий и крестьянин в одном из приволжских сел заключили между собой договор, с условием, что если одна из сторон не удержится от выпивки, то платит штраф в виде покупки знамени за 15 руб. для пионерского отряда. Получили ли пионеры знамя осталось неизвестным. Совершались рабочие антиалкогольные походы из городов в деревни; на Украине возник первый антиалкогольный театр; 4 деревни под Харьковом объединились в сельхозартель имени «Общества борьбы за трезвость». Весьма распространены были плакаты например такого содержания: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»¹⁰⁸. Антиалкогольные походы, курсы, живые газеты, представления, показательные суды над пьянством, наглядная агитация во всех видах на короткое время стали доминантой в культурной жизни больших городов и поселков.

ОБСА вело широкую издательскую деятельность. Массовыми тиражами издавались листовки, плакаты, антиалкогольные брошюры, материалы для агитаторов и пропагандистов. В 1930 г. была выпущена до сих пор единственная в своем роде хрестоматия «Алкоголизм в художественной литературе», составленная из произведений классиков российской и зарубежной литературы, таких как Крылов, Некрасов, Чехов, Толстой, Мопассан, Маяковский и др. Во введении составители так обосновывали необходимость подобного рода изданий: «Противоалкогольному оружию нужно придать эмоциональность, яркость воздействия, ту силу образности, которая действительно потрясала и не оставляла равнодушным слушателя к проблеме борьбы с алкоголизмом. Художественная литература... должна сыграть видную роль в деле мобилизации мнения трудящихся против алкоголя»¹⁰⁹.

Несмотря на усилия руководителей ОБСА трезвенническое движение не стало массовым, численность общества к 1929 г. достигла лишь 250 тыс. членов. Главным образом это были рабочие с большим производственным стажем, молодежи в обществе было мало¹¹⁰.

Аскетические лозунги («Алкоголизм и социализм не совместимы!», «Изгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!», «Даешь получку без вина!» и т.д.), как и конечная цель движения – борьба не со злоупотреблением, а вообще с употреблением, т.е. борьба за трезвость, не могли привлечь много сторонников. Ценности «продвинутых» рабочих были далеки абсолютному большинству российских мужчин, которые продолжали пить и считали это правильным¹¹¹. Да и с точки зрения властей радикализм лидеров трезвеннического движения вскоре стал серьезной помехой на пути к «большому скачку» в индустриализации и построении социализма.

Действительно, уже во второй половине 1928 г. ОБСА удалось добиться того, что в 120 городах России были приняты различные постановления городских или районных исполкомов по вопросам алкоголизма. В Ленинграде, например, решением Ленсовета от 5 августа 1928 г. была запрещена торговля спиртными напитками по праздникам. Со второй половины 1928 г. по настоянию Общества начинает свертываться торговля водкой в рабочей кооперации. Затем и Моссовет принял решение о сокращении продажи водки на 30 тыс. гектолитров¹¹².

29 января 1929 г. СНК РСФСР издал декрет «О мерах по ограничению торговли спиртными напитками»¹¹³, в основу которого были положены предложения, разработанные активистами ОБСА¹¹⁴. Декретом запрещалось открытие новых торговых точек по продаже водки в промышленных городах и рабочих поселках, торговля ею во все праздничные и предпраздничные дни, дни отдыха и накануне их, а в районах расположения предприятий – и в дни зарплаты. Продажа водки и водочных изделий запрещалась в буфетах клубов, государственных и общественных организаций, театров, кинотеатров, в общежитиях, банях, садах, парках, местах гуляний, столовых, закусочных. Полностью воспрещалась алкогольная реклама в печати и в общественных местах.

Горсоветам и Советам рабочих поселков предоставлялось право закрывать любое место продажи алкоголя как по ходатайству рабочих организаций, так и по собственной инициативе. Горсоветы обязывались закрыть все места продажи водки в непосредственной близости к казармам и биржам труда; с учетом местных условий совет мог ограничить часы торговли водкой.

Постановление, наносящее серьезный урон экономике, естественно, было подвергнуто ревизии очень быстро. 28 апреля 1929 г. СНК РСФСР принимает другой, не подлежащий опубликованию, документ «О мерах по борьбе с самогонварением и шинкарством». В нем СНК автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным органам предлагалось «принять меры к тому, чтобы: а) нижестоящие исполкомы и сельсоветы не закрывали лавок Центроспирта в сельских местностях и не препятствовали возобновлению торговли хлебным вином в ранее закрытых сельских лавках...; б) нижестоящие органы власти не препятствовали торговле хлебным вином из лавок потребкооперации там где нет лавок Центроспирта; в) на организации рабочей потребкооперации не возлагалось обязательств дальнейшего сокращения пунктов продажи хлебного вина». Местные органы не должны были препятствовать центральному властям в расширение сети пунктов продажи хлебного вина «в тех случаях, когда оно вызывается необходимостью борьбы с самогонварением и шинкарством». Общее количество, а также условия открытия новых лавок Центроспирта в сельских местностях устанавливалось Наркоматом торговли по соглашению с Наркомфином¹¹⁵. Другой документ, от 11 мая, вносил конкретные изме-

нения непосредственно в январское постановление¹¹⁶. Так, из перечня напитков, запрещенных к продаже у казарм и бирж труда, хлебное вино исключалось; торговля водочными изделиями и пивом воспрещалась лишь в дни революционных праздников. Запрет алкогольной торговли в фабрично-заводских районах в дни зарплаты ограничивался двумя днями в месяц. Предусмотренные ограничения в отношении виноградного вина не распространялись на районы промышленного виноделия.

И в целом 1928-1929 гг. были главными в плане окончательного формирования советской государственной алкогольной политики. Краеугольным камнем в борьбе за культуру и трезвый быт продолжал оставаться политический постулат большевиков о несовместимости алкоголизма и социализма. Вместе с тем, алкоголизм, наряду с нищенством, беспризорностью и проституцией, определялся теперь не как «социальный паразитизм» (явление не совместимое с принципами строящегося социалистического общежития – определение времени военного коммунизма), а как «социальная аномалия»¹¹⁷, т.е. явление, по сути уже не типичное для нового общества, быстро изживаемое и не заслуживающее пристального внимания со стороны государства. Инициирование всплеска антиалкогольной агитации понадобилось властям для того, чтобы отвлечь внимание общества от серьезных изменений в алкогольной политике. Борьба, продолжавшаяся в правительственных кругах вокруг вопроса о казенной продаже питей, закончилась полной победой тех, кто, по выражению Сталина, готов «чуточку выпачкаться в грязи ради победы пролетариата и крестьянства»¹¹⁸. Наиболее драматичные события развернулись вокруг принятия первого пятилетнего плана.

В начале 1929 г. состоялось совещание в Госплане СССР, в котором приняли участие и представители ОБСА. Образованная по настоянию Общества Комиссия для рассмотрения вопроса о водочном доходе в пятилетнем плане констатировала, что «доход от спиртных напитков не может в перспективе представлять для государства с народнохозяйственной точки зрения сколько-нибудь эффективного источника накопления». В результате Госпланом СССР во главе с Г.М. Кржижановским был разработан весьма радикальный план дезалкоголизации экономики и торговли, который был утвержден на V Всесоюзном съезде Советов (май 1929 г.) как составная часть первой пятилетки. Выступая на съезде, Г.М. Кржижановский привел конкретные расчеты об уменьшении душевого потребления водки в городах СССР на ближайшие пять лет на 70%, а в сельской местности – примерно на 10%¹¹⁹.

Антиалкогольной программе первой пятилетки не суждено было сбыться. Решения съезда подверглись ревизии уже летом 1929 г., когда Наркомфин, Центроспирт и Наркомторг приступили к разработке планов увеличения производства и реализации алкогольной продукции. По государственному плану на 1929-1930 гг. производство водки должно было снизиться на 60 млн. л, однако этого не произошло: Наркомфином были утверждены прежние цифры производства – 550 млн. л. Активисты ОБСА попытались воспрепятствовать этому решению, организовав на крупных предприятиях собрания протеста с принятием резолюций, осуждающих увеличение выпуска водки. 13 сентября 1929 г. делегация рабочих посетила Кржижановского и передала резолюцию с протестом против политики Наркомфина. Кржижановский заверил членов делегации, что Госплан будет отстаивать утвержденные XVI партконференцией и V съездом Советов решения о снижении уровня производства водки. Это были пустые обещания. На

ноябрьском пленуме ЦК, утвердившем контрольные цифры развития народного хозяйства на 1929/30 г., программа свертывания алкогольной промышленности фактически была отменена. В жизнь претворялись сталинские негласные установки о необходимости наращивания алкогольного производства в целях дальнейшего развития экономики и обороны страны¹²⁰.

В начале 1930 г. был распущен Всесоюзный совет противоалкогольных обществ и удалены от трезвеннической работы его руководители – председатель Ю. Ларин, секретарь Э. Дейчман, главный редактор «Трезвости и культуры» Б. Волин и др. Их активная борьба в защиту решений V съезда Советов была расценена как «антиправительственная демагогия». Руководство ВСПО и ОБСА обвинялось в «увлечении администрированием, непьющими кампаниями», пособничестве правой оппозиции. Поскольку Наркомфин, Наркомторг, Госплан – «органы пролетарской диктатуры», критика их деятельности по увеличению выпуска водки была признана «грубой политической ошибкой»¹²¹.

26 апреля 1930 г. постановлением НКВД РСФСР был аннулирован устав российского Противоалкогольного общества и оно было реорганизовано в Московскую областную организацию, потеряв всероссийский статус¹²². ОБСА формально продолжало существовать под руководством Н.А. Семашко и секретаря Московского антиалкогольного общества В.П. Вознесенского, однако главной его задачей теперь была «борьба за новый быт», местные отделения общества должны были стать массовыми культурно-просветительными организациями. При этом выдвигался тезис «Социализм и социалистический быт уничтожат пьянство». Считалось, что разрешение алкогольной проблемы произойдет само собой, по мере роста благосостояния людей, их культурного уровня.

С этого же времени журнал «Трезвость и культура» начинает выходить под новым названием «Культура и быт». Изменилось и содержание издания: вопросы борьбы с алкоголизмом занимают на его страницах все меньше места. В 1931 г. журнал выходил как орган ВЦСПС и ОБСА, в 1932 г. был объединен с изданием «Культурная революция» (орган ВЦСПС), с 1933 г. выпуск журнала прекратился. В 1932 г. прекратило свое существование и ОБСА, растворившись в более широком обществе «За здоровый быт». Новая организация, деятельность которой не была отмечена сколько-нибудь значительными мероприятиями, объединила Союз безбожников, ОБСА и общество «Долей неграмотность».

Со страниц центральной и местной периодической печати тема борьбы с пьянством начинает сходиться уже с 1930 года. Меняется и медицинская трактовка заболевания алкоголизмом: в 1930-е гг. исследовалось влияние спиртного только на психику человека. Алкоголь был признан годным для лечебного применения как лекарственное средство, в связи с этим велись интенсивные поиски заболеваний, поддающихся лечению алкоголем¹²³. Экономические и социальные причины алкоголизма не исследовались, статистические данные о производстве и потреблении спиртных напитков, последствиях пьянства не публиковались.

Государство между тем продолжало наращивать выпуск и продажу крепких напитков, совершенствовать систему управления спиртовой и спиртоводочной промышленности. В 1929 г. было произведено укрупнение винокурной промышленности России, все производство было подчинено пяти отраслевым трестам – Ленинградскому, Уральскому, Средне-Волжскому, Дальневосточному и Северо-Кавказскому¹²⁴. Три года спустя подобной реорганизации была подвергнута спиртовая

промышленность уже всей страны. В сентябре 1932 г. Союзспирт (бывший Центроспирт) был преобразован в Главное управление спиртовой промышленности при Народном комиссариате снабжения СССР – Главспирт¹²⁵. Новая структура создавалась для улучшения руководства спиртовой промышленностью, увеличения темпов ее реконструкции и развития, в ее подчинение входил 21 отраслевой трест, а также трест Спиртстрой-монтаж – для строительства и монтажа новых заводов. Этим же постановлением с 1 октября 1932 г. устанавливались специальные отчисления в размере 50 коп. с каждого декалитра произведенного безводного спирта, из которых 37,5 коп. шли в районный бюджет, 12,5 коп. – в республиканский и краевой бюджеты. Данная мера призвана была стимулировать заинтересованность местных советов в выполнении плана производства и продажи алкогольных напитков. Среди ударных строек 1933 г. были названы строительство винокуренных заводов в Петровске (Саратовская обл.) и Сясьске (Ленинградская обл.)¹²⁶.

Естественно, что производство водки и водочных изделий постоянно нарастало:

1930 г. – 618 млн. л, 1933 – 700, 1936 – 776, 1939 – 1 095 млн. л.¹²⁷. Совершенствовалась и система продажи алкогольных напитков. К 1940 г. число только специализированных вино-водочных магазинов составило 3 750, превысив в 2 раза и более магазины, специализировавшиеся на продаже овощей, мяса, рыбы, молока¹²⁸.

На новом этапе, начавшемся в 1930-е гг. (и продолжавшемся, по сути, до 1980-х гг.), главным средством борьбы с пьянством и алкоголизмом стали судебно-административные меры. Для пресечения распространения пьянства на производстве, укрепления трудовой дисциплины, были ужесточены наказания за прогулы: прогульщики лишались льгот на производстве, могли быть уволены за один прогул с работы, выселены из ведомственной квартиры¹²⁹. В разработанных и утвержденных СНК уставах о дисциплине рабочих и служащих нахождение на службе в нетрезвом состоянии для некоторых профессий расценивалось как тягчайшее нарушение дисциплины и наказывалось приданием суду. Данные об алкогольной ситуации в стране переводятся в ранг секретных, официальная же статистика бодро рапортует о победах на антиалкогольном фронте и о постоянном снижении потребления спиртных напитков в стране: 2,8 л литра абсолютного алкоголя на человека в год в 1935-37 гг., от 2,5 до 1,9 л по разным оценкам в 1940 г.¹³⁰.

На самом деле, с отменой карточной системы (на спиртные напитки карточки не вводились), застольные традиции, продолжавшие жить в обществе, расцветают с новой силой. Водка продавалась свободно и была доступна многим: при среднемесячной зарплате по стране 331 руб. она стоила в среднем 6 руб. 15 коп. за бутылку¹³¹. Люди привычно ходили в пивные и рестораны, пиво и даже крепкие напитки продавались в столовых предприятий и учреждений, театральных буфетах и т.д. Причины продолжавшегося в стране роста бытового пьянства, как и раньше, в различных слоях общества были разными. Для одних – официальная элита советского общества (герои, стахановцы, передовики производства) – уже вполне признанные и становящиеся повседневностью праздничные застолья с тостами, песнями, танцами представлялись действительно знаковыми явлениями новой веселой и зажиточной жизни при социализме. Для других – в большей степени это относится к партийной и государственной номенклатуре, как самого высшего звена, так и районного масштаба – употребление и злоупотребление алкоголем (в принципе порицаемое партией, но по сути уже не на-

казуемое) становится отдушиной, попыткой отвлечься от этой самой повседневной и очень опасной борьбы за социализм, приобретает черты ретретизма, ухода от действительности. Большинство же населения страны, просто продолжало следовать вековым традициям, удовлетворяя при помощи застольного общения естественное стремление каждого человека к радости, веселью, повышенному настроению. Борьба за культуру второй половины 1930-х гг. уже не исключала подобных форм общения, проблемы растущего пьянства населения продолжают волновать лишь медиков и юристов. Государство же, победившее на алкогольном фронте частника – самогонщика и шинкаря, чему в немалой степени способствовали коллективизация и голод начала 1930-х гг., объявило проблему решенной: «В Советском Союзе, где окончательно ликвидированы эксплуататорские классы, где непрерывно повышается материальное благосостояние народа, уничтожены социальные корни алкоголизма». В результате, на фоне¹³² происходивших в стране перемен постоянное увеличение производства и продажи спиртных напитков и одновременно свертывание борьбы с пьянством вели к дальнейшей алкоголизации общества.

Ссылки

1. Выражение заимствовано у С. Швердина. См. цикл его статей: С. Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», *Трезвость и культура*, № 4, 7, 8, 10 (1988).
2. Т. П. Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», *Вопросы истории*, № 9 (1985): 21.
3. *Правда*, 3 декабря 1917.
4. Л. Д. Мирошниченко, «История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах», *Вопросы наркологии*, № 3 (1990): 55.
5. См.: В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (Москва: Политиздат, 1960), 50:5; *Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы* (Москва: Политиздат, 1967), 3: 285.
6. П. Я. Канн, «Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь-декабрь 1917 г.)», *История СССР*, № 3 (1962): 135.
7. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 35: 66.
8. *Правда*, 7 декабря 1917.
9. *Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы*, 3: 376-77, 400.
10. Канн, «Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь-декабрь 1917)»: 135.
11. *Петроградский военно-революционный комитет*, 3: 400-01.
12. Канн, «Борьба рабочих Петрограда с пьяными погромами (ноябрь-декабрь 1917)»: 135-36; Т. С. Протьюко, *В борьбе за трезвость: Страницы истории* (Минск: Наука, 1988), с. 98-100.
13. См.: «Листовки революции», *Известия*, 2 ноября 1987.
14. *Пьянство и преступность: история, проблемы* (Киев: Государство и право, 1989), 117.
15. Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», 4: 9.
16. Там же.
17. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*, (Москва: Изд. Наркомюста, 1917-38). (Далее – *СУ РСФСР*), № 35 (1918), статья 468.
18. Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 21.
19. Там же.
20. *СУ РСФСР*, 1920, 1-2: 2.
21. См., например: Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», 4:10; Р. Лирмян, «Оправданию не подлежит», *Коммунист*, № 8 (1985): 112, 117.
22. *СУ РСФСР*, 1920, 73: 337.
23. И уж всякого смысла лишено утверждение, что «В

- России запрещение производ-ства и продажи спиртных напитков было введено в 1914 г. и продолжало действовать до 1925 г.» [«Алкоголизм», *Большая Советская Энциклопедия*, 3-е изд. (Москва: БСЭ, 1970), 1: 442-443], хотя оно широко распространено в литературе, см., например: Ю. П. Лисицын, Н. Я. Копыт, *Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты)* (Москва: Медицина, 1983), с. 191; Ф. Г. Углов, «Глядя правде в глаза», *Наш современник*, № 7 (1987): 155; Н. Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-30 гг.* (СПб.: Нева, 1999), с. 26; «Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все», *Исторический архив*, № 1 (2001): 5.
24. Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», 4: 10.
25. *Программы и уставы КПСС* (Москва: Политиздат, 1969), с. 62.
26. «Алкоголизм», *Большая Советская Энциклопедия* (Москва: БСЭ, 1926), 2: 244-45.
27. *План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной ко-миссии по электрификации России* (Москва: Политиздат, 1955), с. 174
28. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 43: 326.
29. См., например: там же, 45: 209, 228; 54: 273-74, 283 и др.
30. Там же, 45: 223.
31. Подробнее см.: В. Алешин, «Поле трагической борьбы», *ЭКО*, № 10 (1985): 145-55.
32. *СУ РСФСР*, 1921, 60: 413. См. также: *СУ РСФСР*, 1921, 68: 543; 80: 690.
33. *СУ РСФСР*, 1922, 6: 61.
34. *СУ РСФСР*, 1922, 16: 56.
35. *СУ РСФСР*, 1922, 25: 293.
36. Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», 10: 6.
37. *Социалистическое хозяйство*, № 4-5 (1923): 307.
38. *СУ РСФСР*, 1923, 6: 100; *Собрание Законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР* (Далее – *СЗ СССР*) (Москва: Изд. Управлением делами СНК СССР, 1924-37). № 27 (1924), статья 233.
39. А. Г. Пархоменко «Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы советской власти», *Советское государство и право*, № 4 (1984): 114-15.
40. Д. Воронов, *Алкоголь в современном быту* (Москва-Ленинград: ОГИЗ, 1930), с. 90.
41. НА РК. Ф. 877. Оп. 1, д. 9/159; Ф. 966. Оп. 3, д. 1/1.
42. *СУ РСФСР*, 1923, 1: 7.
43. Мирошничко, «История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах», с. 55.
44. «Алкоголизм», *Большая Медицинская Энциклопедия* (Москва: БМЭ, 1928), 1: 438.
45. «Алкоголизм», *Большая Советская Энциклопедия* (1926), 2: 243-44.
46. *Пьянство и преступность: история, проблемы*, с. 121.
47. См.: «Совершенно секретно»: *Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)* (Москва: ИРИ РАН, 2001), т. 1, ч. 2: 871, 895; т. 2: 206.
48. Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 22.
49. Пархоменко, «Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы советского власти», с. 114.
50. «Совершенно секретно»: *Лубянка – Сталину о положении в стране*, т. 1, ч. 2: 895; т. 2: 150-51, 189, 206.
51. Там же, 2: 280-81.
52. Там же, т. 1, ч. 2: 873, 897-98, 915, 943; т. 2, с. 49, 65, 81, 129, 293.
53. См.: Там же, т. 1, ч. 2: 866; 2: 259.
54. «Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все», *Исторический архив*, № 1 (2001): 6.
55. Там же, с. 13.
56. О культурных моделях и выборах российских рабочих 1920-х гг. (на примере от-ношения к алкоголю петербургского пролетариата) подробнее см.: L. Phillips, «Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900-1929», *The Russian Review*, 56 (Jan. 1997); L. Phillips, *Bolsheviks and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900-1929* (DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 2000).
57. «Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все», с. 8-9.
58. Там же, с. 9.
59. «Совершенно секретно»: *Лубянка – Сталину о положении в стране*, 2: 259.
60. И. В. Сталин, *Сочинения* (Москва: Политиздат, 1948), 9: 191-92.
61. *СЗ СССР*, 1925, 57: 425.
62. *СЗ СССР*, 1925, 57: 426.
63. Э. И. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним* (Москва: ОГИЗ, 1929), с. 139.
64. Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», 7: 13
65. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 99.
66. Там же, с. 100.
67. Пархоменко, «Государственно-правовые мероприятия по борьбе с пьянством в первые годы советской власти», с. 116.
68. *СЗ СССР*, 1928, 2: 14.
69. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением в Советском государстве (1917-1985)* (Москва: Академия МВД СССР, 1988), с. 47-48.
70. Там же, с. 60.
71. *СУ РСФСР*, 1927, 16: 107.
72. См.: Д. П. Родин, «Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги», в *Алкоголизм в современной деревне* (Москва: Гос. издательство, 1929), с. 14-17, 24-26, 36-46.
73. Рассчитано по: там же, с. 15-17; *Министерство финансов 1904-1913* (СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1914), 121; Э. И. Дейчман и Л. Г. Политов, «Некоторые статистические данные об алкоголизме в нашей стране», в *Алкоголизм как научная и бытовая проблема* (Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1928), с. 239-241. Данные о 50 % превышении довоенной нормы потребления алкоголя на селе, переходящие из книги в книгу с конца 1920-х гг., представляются результатом некорректных расчетов (См.: *Борьба с алкоголизмом в СССР: Материалы Первого пленума Всесоюзного совета противоалкогольных обществ в СССР, 30 мая – 1 июня 1929 г.* [Москва-Ленинград: Государственное Медицинское издательство, 1929], с. 15; Ю. Ларин, *Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение* (Москва-Ленинград: ВДОБТ: 1929), с. 50; Швердин, «От 'диктатуры трезвости' к 'меньшему злу'», 10: 7; Протыко, *В борьбе за трезвость*, с. 108).
74. *Правда*, 18 декабря 1925.
75. Сталин, *Сочинения*, 10: 232-33.
76. Там же, с. 312..
77. *Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии*, (Москва: Политиздат, 1929), с. 41-42
78. *Пьянство и преступность: история, проблемы*, с. 124; Лисицын, Копыт, *Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты)*, с. 75
79. *СУ РСФСР*, 1927, 24: 162.
80. См.: Сталин, *Сочинения*, 10: 232; Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 119, 124; Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 27; В. М. Segal, *The Drunken Society: Alcohol Abuse and Alcoholism in the Soviet Union* (New York: Hippocrene Books, 1990), с. 48.
81. Составлена по: Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 143; Дейчман и Политов, «Некоторые статистические данные об алкоголизме в нашей стране», с. 224; *Трезвость и культура*, № 17 (1929): 15.
82. «Алкоголизм», *Большая Медицинская Энциклопедия*, 1: 410.

83. Рассчитано по: Родин, «Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги», с. 16. В литературе встречаются и другие сведения о душевом потреблении алкоголя в стране в 1920-е гг., однако данные, опубликованные Ро-диным и представляющие собой результаты широкого социологического обследования, охватившего более четверти всех крестьянских хозяйств России, представляются нам наи-более убедительными.
84. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 97.
85. Ларин, *Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение*, с. 3.
86. Ю. Ларин, *Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним* (Москва: ОГИЗ, 1929), с. 14.
87. Ларин, *Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение*, с. 5.
88. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогонварением в Советском государстве*, с. 33-34.
89. Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 118-24, 127-30, 140-42, 161-62.
90. Там же, с. 122.
91. Там же, с. 119.
92. Подробнее см.: Д. П. Родин, «Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги»; Э. И. Воронов, «Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла», *Вопросы наркологии*, № 1 (1926); Б. Ф. Дитрихсон, «Алкоголизм Ленинграда в 1927 году», *Ленинградский медицинский журнал*, № 7 (1928); А. Ковалевский, «Алкоголизм в Луганском округе», *Профилактическая медицина*, № 11 (1928); З. А. Гуревич, А. З. Залевский, *Алкоголизм (социально-гигиеническое исследование)* (Харьков: Украинское государственное издательство, 1930); L. Phillips, *Bolsheviks and the Bottle: Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900-1929*.
93. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, (Москва: Политиздат, 1953), 2: 345-46.
94. *СУ РСФСР*, 1927, 24: 158.
95. *СУ РСФСР*, 1927, 48: 319.
96. Воронов, с. «Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла», с. 121.
97. *СУ РСФСР*, 1926, 57: 447.
98. *СУ РСФСР*, 1927, 46: 307.
99. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогонварением в Советском государстве*, с. 39-41.
100. Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 31.
101. *Борьба с алкоголизмом в СССР*, с. 42.
102. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогонварением в Советском государстве*, с. 75-76. По данным журнала «За новый быт» прототипы будущих медицинских вытрезвителей впервые появились в Москве уже в конце 1928 г. (Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 31). До начала 1930-х гг. в городах страны, как и до революции, при городских и районных отделах милиции существовали «камеры для вытрезвления».
103. См., например: С. Швердин, «Год незначительного перелома», *Трезвость и культура*, № 9 (1989): 17; *Трезвый быт: Сборник очерков, статей и рассказов из антиалкогольной печати 20-30-х годов* (Москва: Физкультура и спорт, 1987), с. 13.
104. Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 23-24.
105. Е. И. Лотова, А. В. Павлучкова, «К истории создания и деятельности Всесоюзного общества борьбы с алкоголизмом», *Советское здравоохранение*, № 2 (1972): 65-67; Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х гг.», с. 24-25; Протьюко, *В борьбе за трезвость*, с. 114-16.
106. Всего вышло 6 номеров в 1928 г., 24 – в 1929 и 8 – в 1930 (объем 12 стр.).
107. Ларин, *Алкоголизм промышленных рабочих*, с. 34.
108. Подробнее см.: *Трезвый быт*, с. 52-56, 67-74, 85-87 и др.
109. *Алкоголизм в художественной литературе. Хрестоматия* (Москва-Ленинград: Учпедгиз, 1930), с. 5.
110. Ларин, *Алкоголизм и социализм*, с. 37-38; *Борьба с алкоголизмом в СССР*, с. 10-11.
111. В этой связи можно поспорить с мнением Лауры Филлипс относительно того, что в случае с пьянством «отказ государства от ценностей 'рядовых' был твердым». Пьянство «сравнивалось с контрреволюцией, а пьяницы с врагами государства» лишь в годы «диктатуры трезвости». В дальнейшем установки борьбы с этим «социальным злом» существенно меняются, а затем и вовсе растворяются в лозунгах движения «За здоровый быт». (См.: L. Phillips, «Message in a Bottle: Working-Class Culture and the Struggle for Revolutionary Legitimacy, 1900-1929», с. 30-32).
112. Ларин, *Новые законы против алкоголизма*, с. 7-8, 16, 20.
113. *СУ РСФСР*, 1929, 20: 224.
114. См.: Дейчман, *Алкоголизм и борьба с ним*, с. 175-93.
115. ГАНИ РК. Ф. 3, оп. 2, д. 327, л. 66; *СУ РСФСР*, 1929, 30: 360.
116. Там же, л. 66 об.; *СУ РСФСР*, 1929, 39: 403.
117. Г. А. Бордюгов, «Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-30-е годы)», *История СССР*, № 1 (1989): 66.
118. Сталин, *Сочинения*, 9: 192.
119. Бордюгов, «Социальный паразитизм или социальные аномалии?», с. 67-68.
120. *Stalin's Letters to Molotov. 1925-1936* (New Haven, CT: Yale Univ/ Press, 1995), с. 209. См. также: T. Vihavainen, «Svaboodasoltusta stahanovilaisiksi. Sosialismin etujoukon muuttuva haahmo 1920-1930-luvulla», . . . *Vaikka voissa paistais? Venäjän rooli Suomessa* (Por-vo: WSO, 1998), с. 312-13.
121. *Трезвость и культура*, № 1 (1930): 4.
122. *Из истории борьбы с пьянством, алкоголизмом, самогонварением в Советском государстве*, с. 72.
123. Протьюко, *В борьбе за трезвость*, с. 126-27.
124. *СУ РСФСР*, 1929, 24: 261.
125. *СЗ СССР*, 1932, 69: 411.
126. *СЗ СССР*, 1933, 3: 181.
127. Segal, *The Drunken Society*, с. 71.
128. *Народное хозяйство СССР в 1959 г.* (Москва: Статиздат, 1960), с. 686.
129. *СЗ СССР*, 1932, 78: 475.
130. В. В. Нагаев, *Человек и алкоголь: социологические, психологические и медицинские аспекты* (Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 1994), с. 43; Мирошниченко, «История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах», с. 58; Протьюко, ка, наблюдалось, кстати, во всех странах. В 1928-1932 гг. на душу населения в среднем приходилось (в литрах абсолютного алкоголя): во Франции – 20,6; Испании – 15,8; Италии – 11,8; Швейцарии – 10,5; Бельгии – 7,8; Австрии – 5,8; Англии – 5,1; Германии – 4,5; США – 4,0; Швеции – 3,5; Норвегии – 2,1 (Нагаев, *Человек и алкоголь*, с. 42).
131. Мирошниченко, «История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20-30-х годах», с. 58.
132. «Алкоголизм», *Большая Советская Энциклопедия*, 2-е изд. (Москва: БСЭ, 1950), 2: 119.

Петрозаводский государственный университет

Адрес редакции: 655016, г. Абакан, а/я 327, т. (913)445-59-06, (923) 278-57-26

E-mail: trezvo@yandex.ru, www.sbnt.ru. Тираж 500 экз.

Главный редактор Г.И.Тарханов, верстка Наталья Соколова.

Редакционный совет: Н.А.Гринченко, М.А.Метелёв, А.А.Токарев

Издается на благотворительные взносы сторонников трезвости, распространяется бесплатно